

«...тысячью поцелуев покрою умную морду трамвая». В.Маяковский

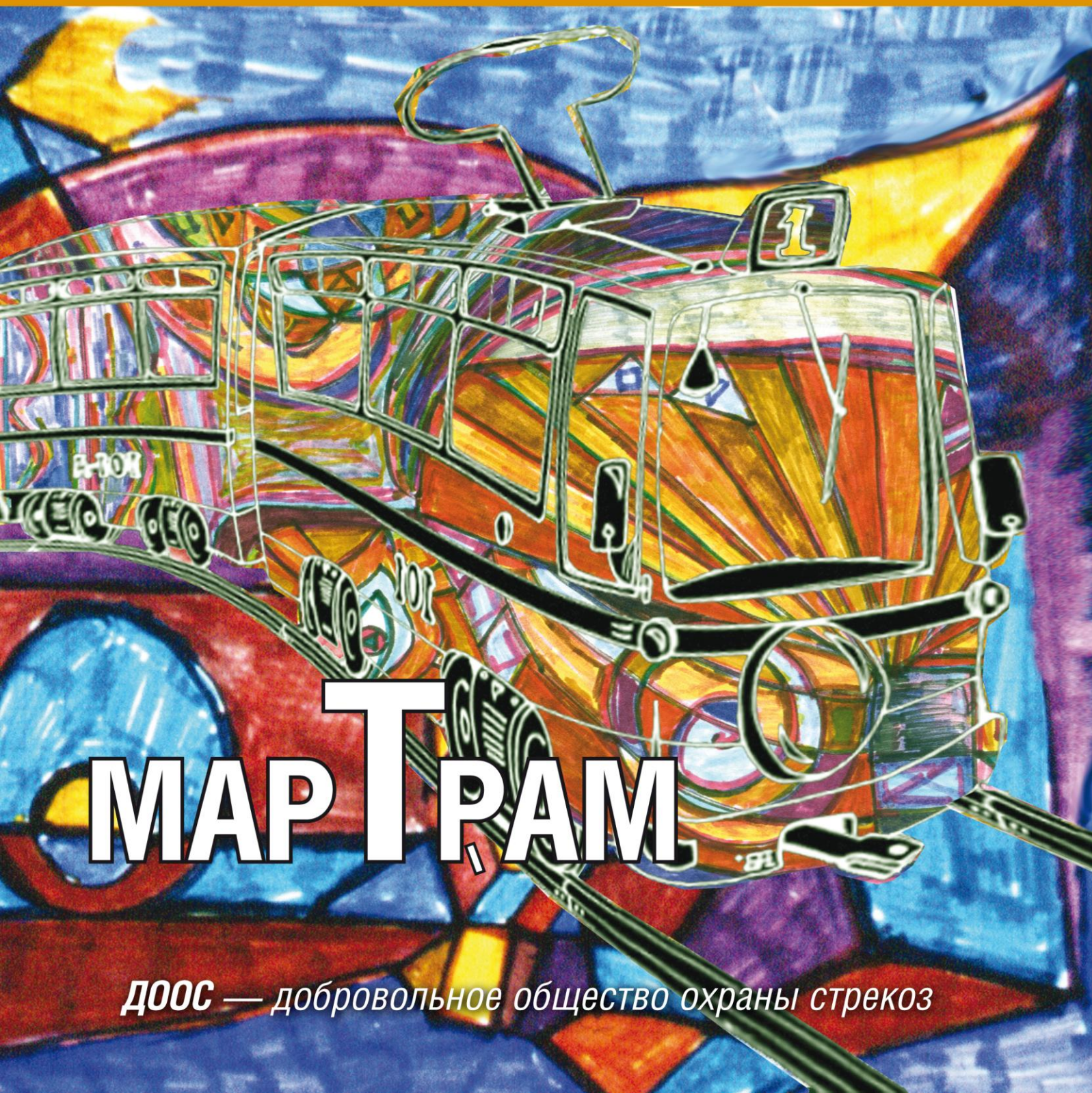
ПО

Ж У Р Н А Л

№ 3 (47)

2013

Э Т О В

МАР Т РАМ

ДООС — добровольное общество охраны стрекоз

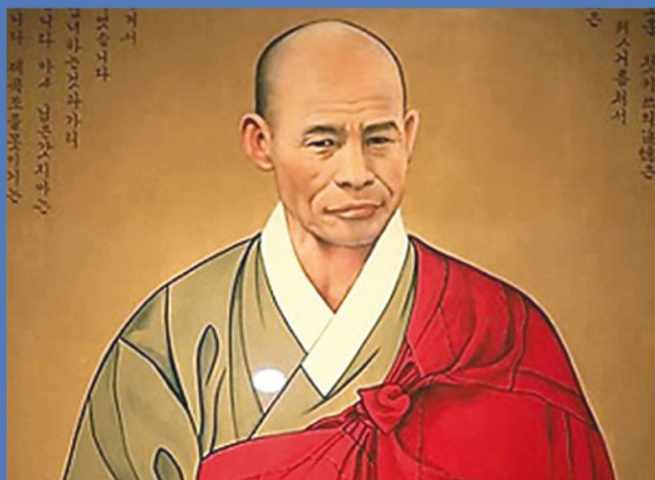
март

Фотокомпозиция **Елены Кацюбы.**

Небесная награждает поэта России

Мартовский трамвай привез в Россию литературную премию им. Манхэ. Небесная – так называет себя Корея с древних времен. Не удивительно, что автор книги «Поэтический космос» Константин Кедров получил эту высшую литературную награду Республики Корея. Официальное письмо с этой радостной новостью пришло из Сеула.

Манхэ (Хан Ён-ун) – поэт, борец за свободу и буддийский подвижник. Монастырь его имени в Южной Корее весьма почитаемая обитель.

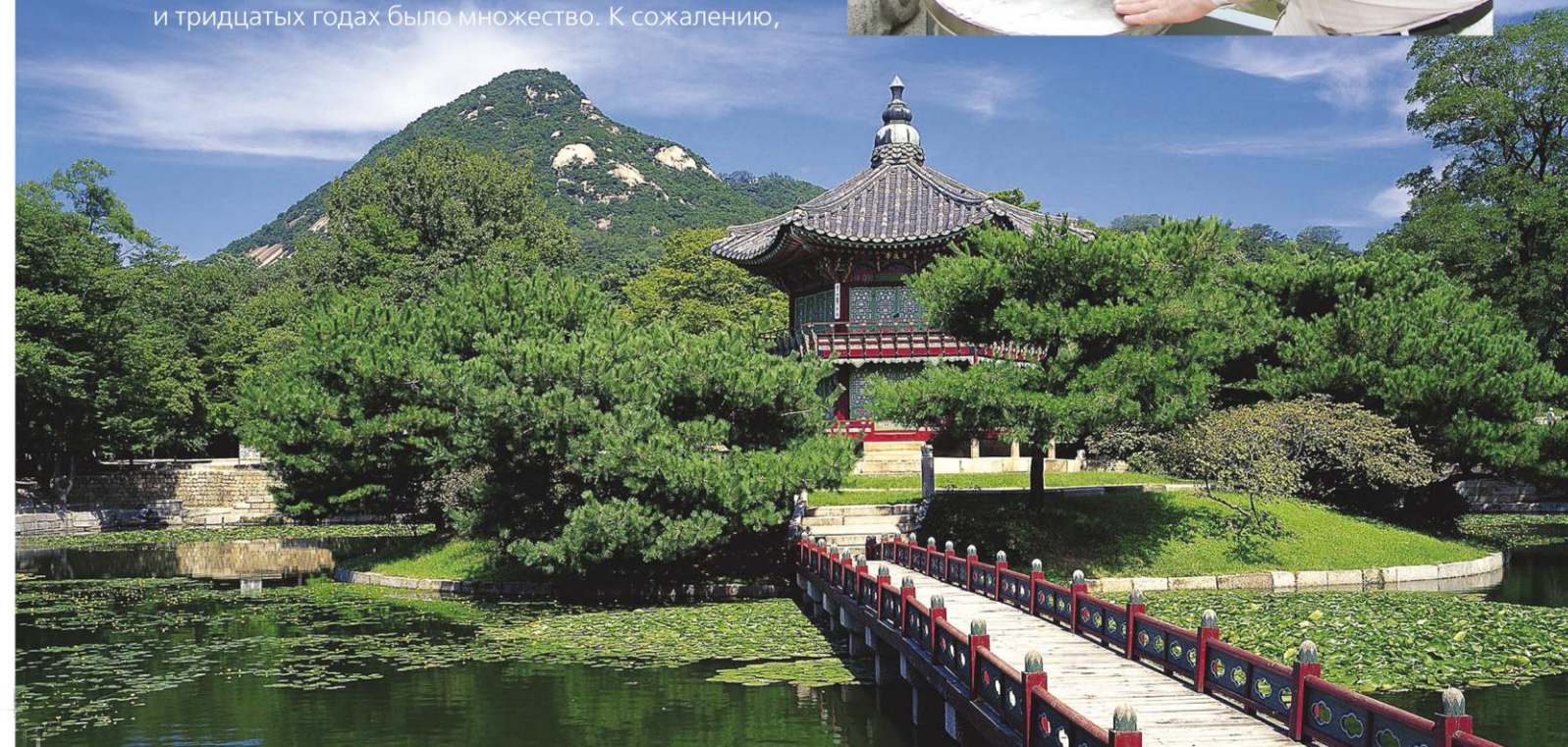
Там ежегодно проводится поэтический фестиваль, но поэт из России появился только прошлым летом, и сразу поэтическая победа. Надо заметить, что до 1991 года русский язык в этой стране был запрещен. Сегодня интерес к русской литературе громадный, но до Константина Кедрова из поэтов здесь было известно только имя Маяковского. В Сеуле есть Музей современной литературы. Авангардных поэтических школ и направлений в Корее в двадцатых и тридцатых годах было множество. К сожалению,

многие поэты погибли в политических бурях и войнах. Манхэ в молодости был революционером, но в тюрьме разочаровался в насильственных попытках изменить мир, стал буддийским отшельником, просветленным, и написал замечательную поэму «Молчание любимой». До конца жизни выступал за независимость Кореи, до которой не дожил всего один год. Памятник Манхэ возвышается на самой высокой горе в Сеуле. В монастыре же стоит небольшая скульптура, обращенная лицом к стене и спиной к зрителю. Своеобразный коан. На фестивале в монастыре Манхэ Константин Кедров прочел свою поэму «Компьютер любви», написанную в 1983 году. В 2003 и в 2005 годах русскоязычные пользователи интернета в результате трехмесячного опроса дважды присвоили ему премию ГРЭММИ.ru. подавляющим числом голосов.

Список претендентов на премию Манхэ включал 300 имен по трем номинациям: Дело мира, Праведная деятельность, Литература и искусство. Среди лауреатов три обладателя Нобелевской премии. Вручение наград состоится в монастыре Манхэ 11 августа 2013 г.

Константин Кедров в Сеуле у буддийского храма. 2012 г.

Въехали в март на трамвае

2-3-4

Константин Кедров, Кира Сангир

5

Елена Кацюба

6

Александр Моцар, Ия Кива

7

Адела Василюй, Татьяна Сигалова

8-9

Игорь Северянин, Константин Кедров

10

Дмитрий Григорьев, О'Санчес

11

Кирилл Ковальджи, Ольга Адрова

12-13

Надежда Агафонова, Рэна Одуванчик

14

Марк Ляндю, Зульфия Алькаева

15

Вадим Рабинович, Игорь Балюк,
Андрей Коровин, Света Литвак

16-17-18

Луиза Аглиева, Хусаин Аминов,
Сергей Каратов

19

Маргарита Аль, Амарсана Улзытуев

20

Александр Бубнов, Максим Маренков

21

Александр Генералов,
Александр Добровольский, Олег Фёдоров

22

Лоренс Блинов, Игорь Федоровский

23

Андрей Гоголев, Светлана Смирнова,
Владимир Попович

24

Полина Ерофеева, Татьяна Виноградова

25

Александра Пауль, Галина Мальцева

26

Алена Кулажина

27

Сергей Зотов, Татьяна Зоммер

28

Сергей Бирюков, Кристина Зейтунян-Белоус

29-30-31-32-33-34-35

Валерий Байдин, Сольми

36

Александр Ойко, Наталья Лясковская

37

Владимир Монахов, Евгений Рыбаченко,
Андрей Дмитриев

38

Станислав Заречанский, Александр Смирнов

39

Дмитрий Сопыряев, Екатерина Поляничко

40-41

Николай Ерёмин, Валентин Нервин,
Игорь Ревякин, Алексей Курганов,
Александр Гумённый

42

Фадей Осинников, Александр Федулов

43

Ольга Реймова

44-45

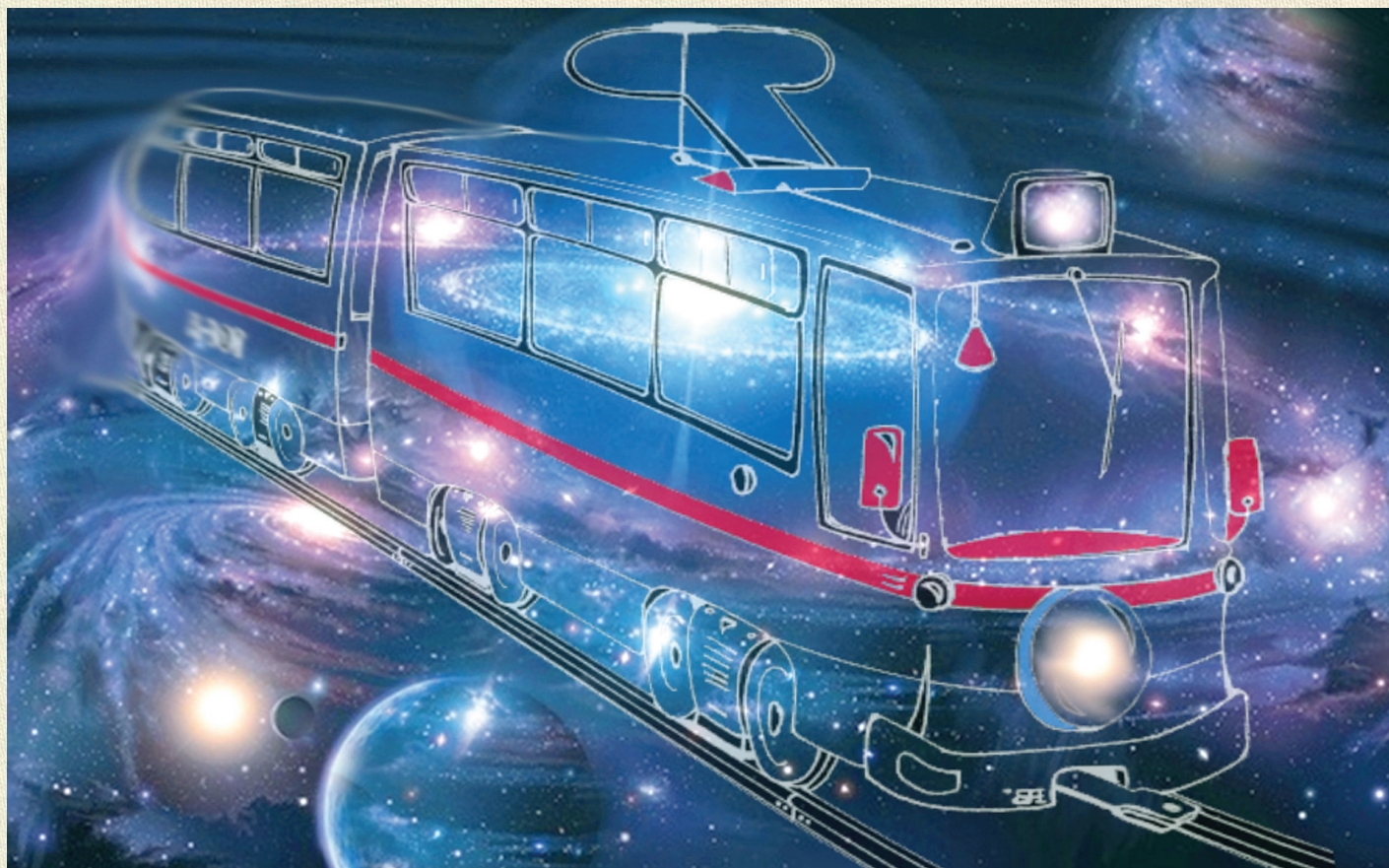
Федор Сологуб, Владимир Павлов

46

Анатолий Кудрявицкий,
Татьяна Бонч-Осмоловская

47

Виктор Клыков, Елена Сазина

Коллаж Елены Кацубы специально для ПО.

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Из поэмы «Бесконечная»

и вагоны
стиснутые в железном рукопожатье
и деревья и станция и тишина
и ты в тишине уходящей ночи
и все что связывает с тобой
и миллионы которые спят рабами
ничего не понимая в такой любви...

и синий день и красная волна
зеленый луч упал на попугая
и попугай заговорил стихами
и синий день и красная волна
и я бегу бросаюсь под трамвай
и синий день и красная волна...

Мчал трамвай от платформы
Москва-Заречная
мела вокруг вьюга снежная
по маршруту
Конечная – Бесконечная
к остановке
Набережная-Безбрежная
Был кондуктор суровый
как Моисей

Мелочи планет
пересчитывал
Млечный путь рулоном
на нем висел

Он читал считал пересчитывал
За окном пурга вьюга млечная
В ночь несет судьба неизбежная
Я спросил: где Конечная – Бесконечная
Я спросил: где Набережная-Безбрежная
Там планеты мчат за планетами
Их маршрут никогда не кончится
А кондуктор сказал: «Убери билетки
Поезжай поезжай вперед куда хочется»
А когда я вышел в пургу извечную
Мой трамвай свернул на орбиту прежнюю
Я увидел Конечную – Бесконечную
И увидел Набережную-Безбрежную

1968

Трамвай невест

Трамвай похож на стих в агонии
Везет невест куда невесть
Невесты гроздьями в вагонах
Куда их вывезет Бог весть
А желто-красный март-трамвай
Звенит на каждом перекрестке
Невесту крепче обнимай –
Кричат прыщавые подростки
Но женихов среди невест
Не различить – одни невесты
В трамвае нет свободных мест
И сам трамвай сорвался с места

2013

Вымирают в Москве трамваи
Словно мамонты в оледенении
Но к весне они оживают
И звенят их звонки последние
Вымирают в Москве поэты
Вот ушел Вознесенский А
Их маршруты нам неизвестны
Путь обратный от Я до А
Чистопрудный еще сохранился
Он плывет вдоль Чистых Прудов
Или может он мне приснился
В тишине булгаковских снов
Там где пруд Москва сохранила
Где Булгаков маршрут изменил
Мчит трамвай из другого мира
Мчит сквозь наш
Параллельный мир

2013

ЙА В МАРТРАМВАЙ

Завязывая узел из пространств
я так и не заметил,
что однажды
преодолел в пространстве
слово «транс»
и оказался здесь однажды
дважды

Я вспомнил,
что уже пересекал
трамвайный путь
и впереди трамвая
я так же оступился между шпал
и выскочил
страх преодолевая

Я узнавал знакомые узлы
когда заранее знал
что будет дальше
из будущего в прошлое разрыв
преодолен
и «позже» было «раньше»

Мне объяснил психолог
что порой
нам кажется
что мы здесь были
в прошлом

так солнце
закатившись за горой
зайдет еще раз
за ее подошвой

Потом я убеждался
что в Крыму

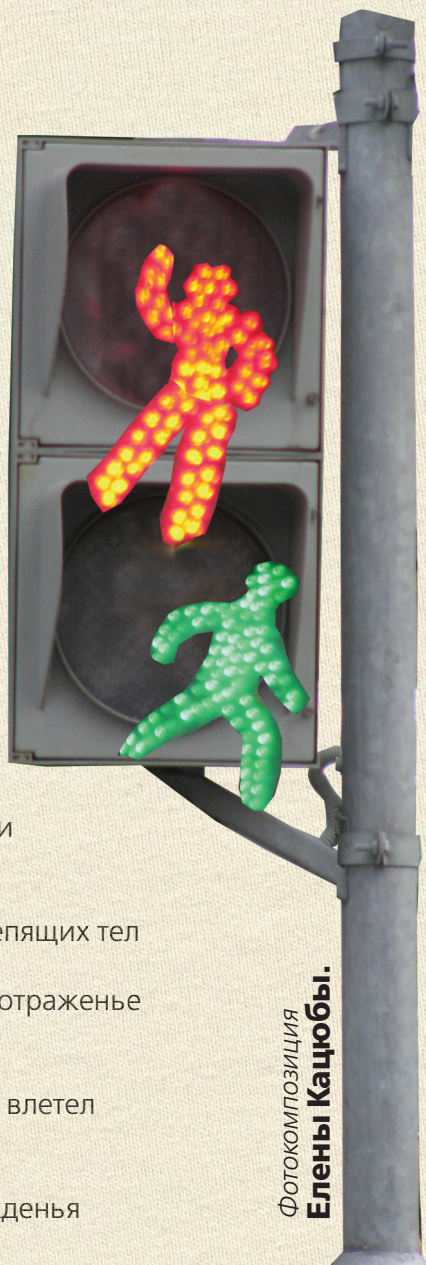
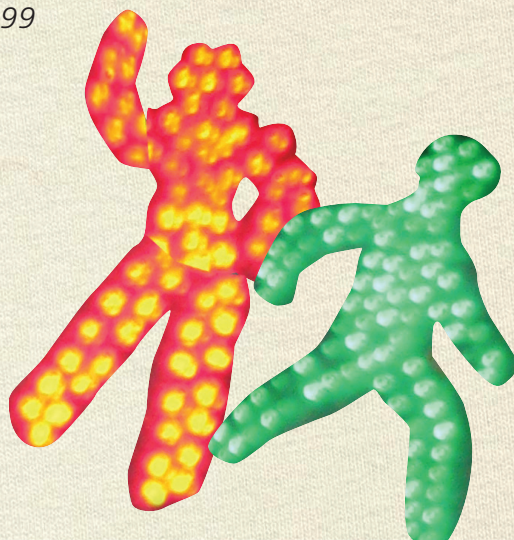
один закат мог
повториться
дважды
и трижды
если плыть
вослед ему
вдоль берега
но это все
неважно

Куда важнее
узел
из простран-
ств-орящий
неизведанные
связи –
нить времени,
связующая нас
в сплошной
узор
из
зазеркальной вязи

Зеркальный узел
двух слепящих тел
за отраженьем
вяжет отраженье
я
отражаясь
в зеркало влетел
и вылетел
навстречу
от рожденья

Все зеркала
связующие нас
давно отражены
в других
пространствах
поэтому
впадающие в транс
всегда обнажены
в трамвайном трансе

1999

Фотокомпозиция
Елены Кацубы.

Кира Сапгир

оса ДООСа
Париж, Франция

Музык

рогатый месяц март
и строгий выговор грача
и стрекотание зрачка
на кончике луча

и выдуманная меняющаяся гармония
разлива «той еще» воды
и выщербленная раскалывающаяся
симфония
трехгранных льдин поверхности слюды

на ртутный уровень глаза
где чернь серебряных синиц
существовала как слеза
летающая с ресниц

чтобы двойное торжество двух ручьев
журчанья
могло заполнить до краев вещество
созвездий

Памяти
Татьяны Макаровой-Алигер

Красавица и пьяница цыганка
Зеленоглазая Танька Алигерша
Что ходила в красных чулочках
Носила бусы да кольца
Кольцами нечесанные кудри –
Кольца дыма пускала сквозь ноздри
Цокала
Подковками звенела –
Отбрыкалась, отбодалась, отругалась
Оттрясла бирюзовыми серьгами
В муках умерла весной в марте.
На поминках плакали, плясали,
Нянька жарила козленка молодого

Схоронили ее при дороге
На могилу цветы положили
Гиацинты розы тюльпаны
И сломанную ветку березы

На Пасху пришли проводить Таньку
Смотрят – на ветке березы
Выросли цыганские сережки

Елена Кацюба

ДООС – libellula

Весенние палиндромы

*

но ветрам в марте – вон
окно в звонко

*

и не те трамваи, а в марте тени

траМврай

Размороженный крик петуха
прорвался из небесного курятника
скорлупа снега хрустнула
цыпленок отряхнулся
от трех месяцев зимы
вырос и пошел
печатаая трехгранные следы цепочек

Он дрался с голубями
перечил дворникам
объявлял себя:
первым министром марта
преемником прошлогоднего
апреля
провозвестником мая

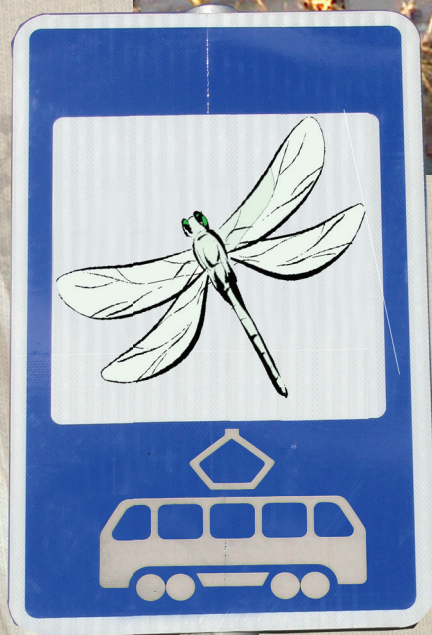
Март – конверт
поздравительных посланий
небесного ящика
весенней почты
Адресат неизвестен
почтальон беспечен
письмо останется в сумке
согнутого подковой месяца

Март – заспанный брат
зимы

водитель трамвая
обладающий плохой
памятью

выезжающий
сам не зная откуда –
не с того света
из этого света
из Нового Света
из старой тьмы

А был он прежде чернобелый
пластроннофранный
всегдадуэльный
каминнопламенный

Он накручивал шарфом на шею
улицу
надевал фракком близлежащую
площадь
такую протертую с изнанки
шинами манишек

Весна была совсем близко
Она качалась на коромыслах
его плеч

Он собирал ее вздорный плач
на вереницу трамваев
чиркал зажигалкой и молчал...

Если хочешь узнать который час
вычти луну из солнца
минуты – суэта микромира
а твоё время в раю никогда
не кончится

ибо сказано в писании:
«Не тестируй своего Господа»
(если, конечно, читать
на английском языке)...

Весна света. Фото Елены Кацюбы

Александр Моцар

ДООС – лавразавр
Киев, Украина

Весна. Март

Рыба сквозь тонкий лёд смотрит на весну

Девки

Вороти листву деревьям
Вырядилась вся деревня
Куры распустили перья
Девки на бревне сидели

Пьяный

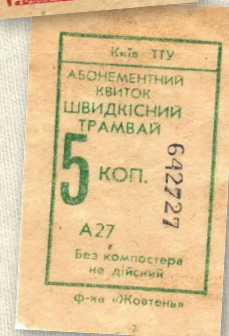
Провалился на пруду
Матерно кричит: – Тону
А его за бороду
И за ворот к доктору

Бабы

Бабы снежные потеют
Бабы снежные худеют
Есть такое мнение
Это эпидемия

Самолёт

Самолёт как самолёт
В небе мраморном плывёт
И бросает взгляд пилот
На весенний тонкий лёд

Лёд ломается. Рыба вздрогнув исчезает

Ия Кива

Донецк, Украина

Весенняя ода к радости

Щеки горят Москвой по пришествии Наполеона,
Значит, снова весна, значит, горлу опять беспокойно,
Значит, время пришло сердцу биться отчаянно вольно,
Окнам – рты разевать, сквозняки же вообще вне закона.

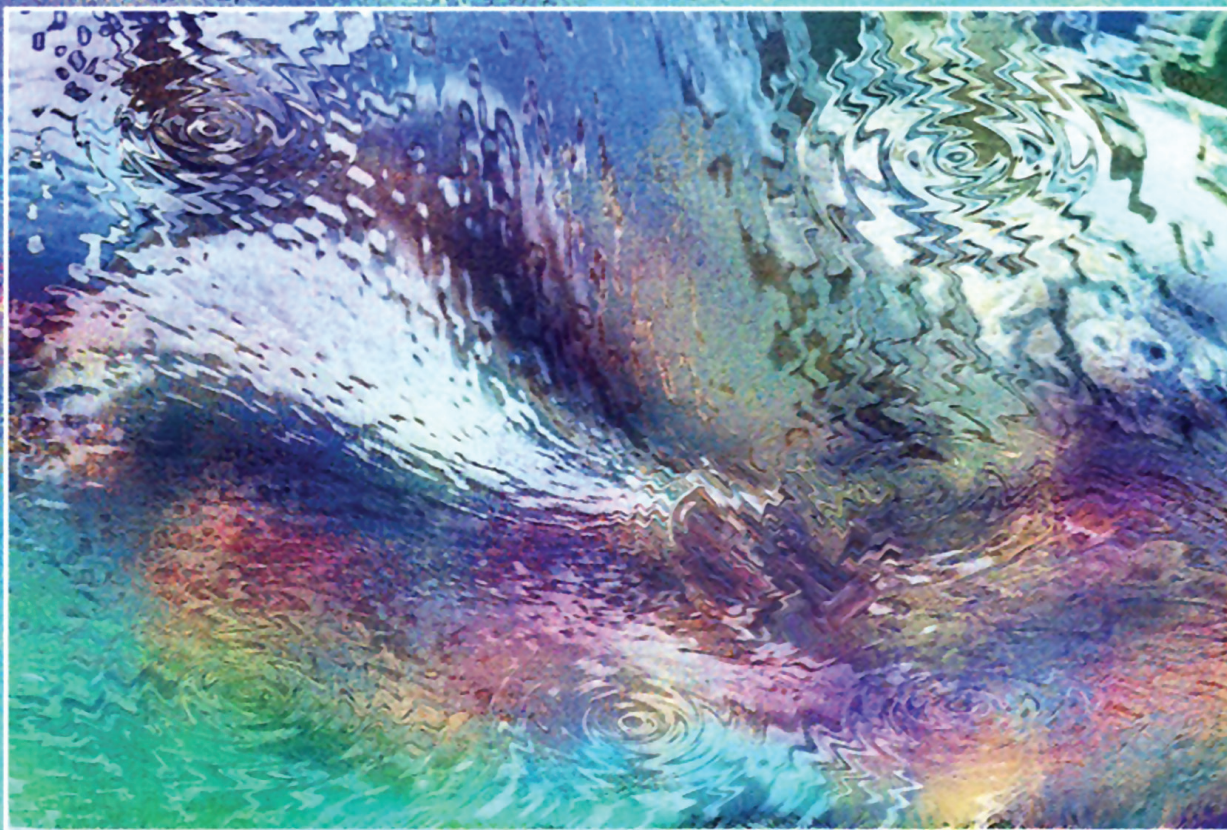
«...весной я болен...»
А.С. Пушкин

И опять зарядит лицо, как озерная гладь
от плевочка-камня,
Россыпью темных веснушек, как крошек от шоколада,
Сны наводнятся звоном капли многоголосого марта,
А волосы станут виться, и каждого дерева крона

Покроется пухлыми пачками зеленоперых
листьев,
На улицах станет тише, но заметно
прибавится пыли,
Зима оставит на память стопки белых
нетающих писем,
Но мы все равно изменимся.
Мы с каждой весной другие.

Босыми ногами хлюпать по грязию изгрызенным лужам!
Пускать по реке кораблики – как стан лебедей по небу!
Щеки горят, как Кремль, и голос все так же простужен,
Но весна – это ода к радости, это путь по радуге к свету.

Адела Васи́лой (Кишинев, Молдова).
Паводок (компьютерная графика).

Doxie (Tatjana Sigalova)

Тарту, Эстония

УЛЁТКА

Вот ладонь, а вот моя попытка
Обусловить «если» да «кабы».
Стань улётной штучкою, улитка!
Отлепись от линии судьбы.

Накрути свои слепые рожки
И вперёд – на линию огня!
Через «внутривенно» и «подкожно»
Стань крылатой и пыльцу роняй.

Затмевай красой толкучих гнусов –
Тех, кто носят имя «мотыльков».
Панцирь-карцер преврати ты в кузов
И в него клади на жизнь легко!

А потом, размятая лучами,
Ты вернёшься на свои круги.
Пирога тебе не обещаю.
Вот такие, в общем, пироги.

LOTUS EATERS, STARGAZERS, DAYDREAMERS

Есть Поедатели Лотосов,
А есть Топтатели Логосов.
Их сводит междуусобица
И ночью ломает бессонница.

Есть Взиратели Звёздочек,
А есть Затиратели Слёзочек.
Но кто из них кто – не спрашивай.
Бессонница их ошарашила.

Есть Дневные Дрематели,
А есть Корневые Маратели,
От реинкарнаций – вялые.
Бессонница всех уравнила их.

95 лет назад Игорь Северянин был избран Королем поэтов

В феврале 1918 г., по всей Москве были расклеены афиши:

«Поэты! Учредительный трибунал созывает всех вас состязаться на звание короля поэзии. Звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Всех поэтов, желающих принять участие на великом, грандиозном празднике поэтов, просят записываться в кассе Политехнического музея до 12 (25) февраля...»

Поэтов собралось великое множество. Пришлось выстроиться в очередь. Зал – битком, на сцене тесно, как в трамвае. Читающий Маяковский не мог даже рукой взмахнуть. К концу программы приехал Игорь Северянин. Прочитал и уехал. Начался подсчет записок с голосами. Северянин собрал немного больше, чем Маяковский, третьим оказался Василий Каменский. В зале разгорелся скандал, часть публики объявила выборы недействительными.

Победитель Северянин написал стихотворение «Рескрипт короля».

Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

Меня не любят корифеи –
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.

Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам,
Моим – любовь и песнопенья! –
Недосягаемым стихам.

Я так велик и так уверен
В себе, настолько убежден,
Что всех прошу и каждой вере
Отдам почтительный поклон.

В душе – порывистых приветов
Неисчислимое число.
Я избран королем поэтов. –
Да будет подданным светло!

...и тут же выпустил сборник с новым титулом на обложке. А футуристы, не приняв порывистых приветов и не желая быть подданными, устроили вечер под лозунгом: «Долой всяких королей!».

Ровно 100 лет назад в издательстве «Гриф» вышел сборник Игоря Северянина «Громокипящий кубок», который принес ему громкий успех, огромную популярность у публики и... звание Короля поэтов, ведь на вечере в Политехническом музее он читал стихи именно из этой книги.

Просто король

Константин Кедров

В манифесте эго-футуризма начертан его символ веры:

Человек – сущность.

Природа – Гипноз.

Эгоист – Интуит.

Интуит – Медиум.

Медиумический гипноз Северянина продолжался лишь с 1909 по 1918. Поэт дожил в эмиграции до 41-го года. Но его поэтический серебряный век уместается в эти 9 лет.

Пик славы поэта – 27 февраля 1918 года. На выборах Короля поэтов в Москве в Политехническом первое место получил Северянин. Вторым был тогда Маяковский. Многие считают этот эпизод недоразумением и парадоксом. Но сердцу не прикажешь. Истерзанная большевиками поэтическая Москва присягнула не революционным глашатаям, а ему – «нежному» и «единственному» паяцу: «За струнной изгородью мира / Живет изысканный паяц».

Он придумал множество новых слов. Не привилось ни одно. Разве что таинственное, манящее – «грезофарс». И все же никто лучше его не почувствовал новый стремительный ритм. «Ананасы в шампанском, ананасы в шампанском! / Из Москвы – в Нагасаки! Из Нью-Йорка – на Марс!» Маяковский явно соревнуется с ним, когда пишет: «Ешь ананасы, рябчиков жуй! / День твой последний приходит, буржуй...»

Почему-то ананасы в шампанском всех раздражали, и вскоре они исчезли вместе с буржуями. Но это в жизни. В поэзии по-прежнему свежо и остро пахли морем давно съеденные ахматовские устрицы, а рядом с ними северянинские ананасы в шампанском. Из Москвы в Нагасаки уже летаем. Из Нью-Йорка на Марс вот-вот полетим.

Он первый сказал о себе: «Я повсеградно оэкраен! / Я повсесердно утвержден!» Так оно и было. Северянин был намного популярнее Блока, Хлебникова, Брюсова, Маяковского. Его избрали королем поэтов и вскоре... забыли.

Северянин – как ранний кинематограф с графами и графинями в будуарах. Он певец «Титаника», еще не наткнувшегося на айсберг.

Он, как все, вначале не понял ужаса столкновения и написал смешные стихи: «И я ваш нежный, ваш единственный, / я поведу вас на Берлин». Берлин брали тридцать с лишним лет спустя уже без Северянина.

Юбилейный портрет Игоря Северянина 1940 года работы Бориса Линде.

Кокетливый и нежный эго-футурист остался, как некоторые здания начала прошлого века в стиле Ар-Нуво, которые каким-то чудом до сих пор сохранились в Москве. Где-то готические башни, где-то рыцарь с мечом, изысканные витражи, зеркальные лифты. Призрак электрического рая.

Мир, воспеваемый поэтом был мимолетен, непрочен, хрупок. Он промелькнул и растворился, как газовый шлейф ранних авто. Ныне это «ретро», и вот что странно: чем-то он дорог нам, этот беззащитный, недолговечный и такой далекий миф начала прошлого, уже ушедшего века. Поэтическая грёза о беззаботном царстве праздника и любви

Его поэзия очень похожа на галантную эротическую живопись Сомова и Бенуа, но с явными атрибутами нового века. Пажи и маркизы, королевы и короли вскоре исчезли в вихрях и водоворотах истории. Остались стихи Северянина, как обломки той Атлантиды.

Россия не ошиблась, выбрав его Королем поэтов. Маяковский трибун, Блок пророк, а Северянин просто король. Читая его стихи люди, пусть ненадолго, всего-то лет на девять, почувствовали себя не подданными, а королями.

Санкт-Петербург

Дмитрий Григорьев

Слушая Моцарта

Вот так у Моцарта – легко пешком
с цветным мешком, где только свет до края,
где Дед Мороз идет вразнос, а я читаю
стихи на табуретке стоя перед залом:
мне восемь лет, меня по горло небо заливает.

Растаял снег, лишь по углам медведем белым
лежит, упавший в лужу дом мы все обходим,
вот так у Моцарта – легко пешком по краю,
сменяя шубу на пальто, сменяя время на потом,
звения трамваем...

А я забыл стишок и слов уже не знаю.

Старые люди забывают,
пересчитывают деньги без толку,
никто никогда не умирает –
просто уезжает надолго.

Вороны уже привыкли
к бутербродам яйцам и рису,
к спящим ангелам на могилах
в цветной шелухе тризны.

До небесного Иерусалима
трамвай каждый день летает,
монеты лежат на ладони –
рыбка серебряная, золотая...

О'Санчес

На исходе марта в городе Петровом
Зимняя погода тяжело больна.
Плавятся под солнцем вязкие оковы,
В небе синеглазом плещется Весна.

Всюду перезвон трамвайных колоколен,
За мостом улыбки трещин на Неве...
Только старый снег устал и недоволен:
Колко ему спать на будущей траве.

В куртке нараспашку, я иду сквозь ветер,
Суеверным шагом огибаю тень...
Слякоть... Что мне слякоть, если есть на свете
Небо, Солнце, Город и Весенний день!..

Москва

Кирилл Ковальджи

ДООС – кириллозавр

*Вот какие стихи написались в
1953 году – они для печати тогда
не годились (слишком жесткие),
ни после (слишком мягкие)...
Теперь, через 60 лет, наверное,
можно – как документ определен-
ного настроения времени.*

В день марта

Девушка рыдала, не смогла помочь:
Сталина не стало в мартовскую ночь.

Эхо облетело все края земли...
Выносили тело, в Мавзолей несли...

День пройдет, и сотый – странно ей – опять
засмеется кто-то, кто-то сможет спать,

и весна разбудит, двинет ледоход,
и цветенье будет – день пройдет, и год;

странно – завтра даже жизнь возьмет свое:
будет хлеб в продаже, хлеб – и для нее!

Так. Пока рыдала девушка без сил,
пекарь встал устало, тесто замесил,

не потупил взгляда, в горе не ослеп...
Мертвым слез не надо, людям нужен хлеб.

Ольга Адрова

ДООС – рок-стрекоза

Москва. Весенний трамвай

1.
К сирени Врубеля
Добавлю я Шагала,
Чтоб на душе светло,
В очах темно нам стало.
И, стоны заглуша,
Трамваи чтоб звенели,
Чтоб грянула гроза
На нынешней неделе...

2.
Проплывают трамваи звеня,
Все под небом туманным ничтожно:
Если ты и не любишь меня,
Мне тебя разлюбить невозможно.
Эту дальнюю жизнь сохраняя,
Бог придумал мучительно сложно –
Если даже не любишь меня,
Мне тебя разлюбить невозможно.

1993 – 2013

Рисунок **Рэны Одуванчик** специально для ПО
(бумага, акварель, тушь).

Надежда Агафонова

Николаев, Украина

МАРТОВСКОЕ

Весенняя озабоченность.
Скособоченность мыслей, желаний и дел.
Переплетение тел –
Случайное и не очень.
И выраввшееся –
Между прочим –
«Люблю» –
Февралю
Обезснеживающая
инъекция.

ВОПРЕКИ

Вопреки
Безучастным лицам дворников,
Вопреки
Липким щупальцам
Усталых вторников,
Вопреки
Растерянности светофоров,
Вопреки безнадёжности
Трамвайных споров,
Вопреки снам,
Растёртым
В пыль наяву,
Вопреки всему

Рождается утро.

Рэна Одуванчик
Днепропетровск, Украина

Евпатория

Я восторгаюсь лицами трамваев.
Я вижу Мир как едущий трамвай.
Почти как друг Славуня Рассыпаев,
Троллейбусный мой! Не переживай,

Моя страстишка очень проходяща,
Как самый в мире маленький маршрут.
Ползёт вдоль моря допотопный ящер,
А в нём поэтов правильных везут.

Им не сойти на первой остановке,
Не спрятаться в рассыпчатых дворах.
Железный путь, уйми мои тревоги!
Я твой недосолившийся чумак!

Ты передал фортуновый билетик...
Как счастье перелить из этих цифр
Случайных? Из трамвайных знаков этих
Космических и призрачных, как миф?

Как перелить в ночные недра амфор
Души своей просторный мир морской?
Как пересыпать щедрый крым метафор
В миры людей, раздавленных тоской?

Вези меня, Вагоноуважатель!
Кондуктор, позабудь про тормоза!
Я – Стрелочник твой, добрый и лохматый.
Люблю трамвай,
Трамвай,
Везучий
За...

Совершенство беспорядка

Я мантру неба «Мяу» океанскую
Впеваю в небо, Русью православное,
Да так, что у соседа снизу, Шурика,
Субботни свечи весело зажглись!

Люблю вас мысли острые, еврейские,
А лень свою неизъяснимо русскую
Я между строк для воздуха кладу,
Да так, что Будда будит в сон цикавистый!

Я так люблю молитвенный паспев,
Старославянских звуков сладощарствие!
Я вижу в нём полёта благодать
И синий виноград грузинской песнищи!

Как суфий, в неподдельной нищете
Я по трамваям медленным брожу,
С прохожими смиренно говорю
О пафосно-загадочной культуре.

Меня ругают все. Немудрено.
Я и сама себя ругать и бить умею.
Я дым восточных палочек люблю.
Люблю смотреть, как пахнет одуван,

Люблю всей жизнью стоптанной, чудной
Впадать в его всеслышащую мантру!

Люблю упругий голос синагог.
Люблю свою еврейскую печаль.
Немецкую отзывчивую речь,
Заезженные добрые пластинки.

Неважная жена, плохая мать,
сотрудник-собутыльник никакейший,
Я пью вселенской музыки вино,
Прости Господь, за вечный поиск Бога!

Мой беспорядок тонок и раним.
Он пахнет рифмой. Бел, как серафим.
В нём радуга симфоний совершенства.
Прости, сосед, шизы моей соседство!

Свой путь в зигзаги воздуха шепчу,
Прости, сосед, давай твою свечу
С тобой спою, дружище, как могу.
Иду цыганить! В слова степь бегу!

Марк Ляндо

Веяния

Это даль. Это даль. Это даль.
Это эль и кроаль и фириль
Лакаорто ураи аэль...

Это бриз. Это бриз. Это бриз...

Это лунно омытый карниз
Это мчится лагун лунный конь
Это в дальнем просторе огонь
Лунноглазых поющих стрекоз

Оттого, что тебе не спалось...

О весенняя зелень — виталь!

Синеглазая вешняя таль.
Это верба в сиянии пыльцы,
Это радость в струении пчел —
Вкруг тебя золотой ореол
Это пенье, витанье, полет
Это рук твоих легкость и мед...

Коллаж **Елены Кацюбы**
специально для ПО.

Зульфия Алькаева
Электросталь

Трамваи ходят по железу,
скрипя пружинистым седлом.
И я с таких коней не слезу,
пока они ведут в твой дом.

Вот и во мне — скрипят измены.
Но помню маленьким тебя.
Стволы деревьев без перемены
мне о тебе всю жизнь трубят.

И вспоминать совсем не сложно.
И нужен только ветра свист,
чтоб думать, думать осторожно,
как над тобой кружился лист.

ДООС – доосозавр

Ни много ни мало, а тысяча лье
От блочных московских окраин.
А я отбываю в местечко Кале
Одиннадцатым трамваем.

И с посохом, посуху, как по воде,
И по-над водою сквозящий,
Сквозь мрежи пространств
 продираюсь к тебе –
Из ряда вон приходящий.

Наматываю предпоследние лье,
Из пёстрых ракушек нижу Вам колье,
К пустым берегам прибывая...
А Вас приглашаю на па-де-кале,
Под музыку – по вековой колее,
Летящего в небо трамвая.

*** * ***

Идут по городу трамвай,
стотонный слон и попугай.
Плывут по небу облака,
стоит туман, течёт река.

Идут по городу Кощей,
учёный кот и Бармалей.
Бегут по городу штаны,
ползут питон и кабаны.

Идут по морю сто ворон,
по полю бегают питон.
Плывут по речке пироги,
стотонный слон и сапоги.

По небу бегают Кощей.
За ним с дубиной – Бармалей.
За ним с ружьём – учёный кот,
а из ружья течёт компот.

И скачет по лесу трамвай,
учёный кот и попугай.
Летают по небу штаны,
стотонный слон и кабаны.

ДООС – крымозавр

(из цикла «Марта»)

*** * ***

Винторогие козлики марта,
Чем вас кормит упрямица Марта,
Что вам заполночь спать не даёт?
О каких вы мечтали походах
И в каких вы отметились сводах
В свой последний на землю приход?

Винторогие козлики марта,
Что сдалась вам богиня Астарта?
Что там Марта? Стирает бельё?
Вы её не давайте в обиду
Параллельному богу – Евклиду.
В ней – последнее счастье моё.

Света Литвак

в тот самый момент, когда мной прерываем
процесс бесконечный двойных полумер
мне тот документ доставляем трамваем
к чему я должна проявить интерес

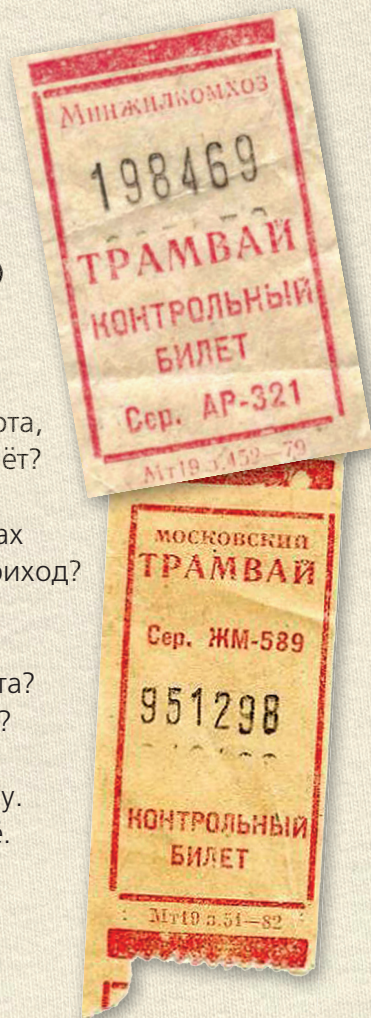
похоже, что мой интерес не случаен
к тому ли процессу двойных полумер
к тому ли, что он доставляет трамваем
что, правда, не слишком удачный
пример

размер любопытства уже нескрываем
параметры просто растут без причин
масштаб интереса достиг беспредела
потребность – довольно больших
величин

и дело не только в судьбе протокола
не в общем значении принятых мер
в его передаче посредством
трамвая

хоть это не слишком удачный пример

и вы, посвящённые наскоро в тему
могли бы подумать, что дело во мне
что мне удалось набросать эту схему
и тайно забросить в трамвай документ

Семья Аминовых. 1949 г. Впереди в центре – Луиза.

Луиза Аглиева
Уфа

В молодости он был поэтом...

Мой отец Хусаин Нурьевич Аминов (1910–1988) родился в большой крестьянской семье в селе Сульмаш Чернушинского района Пермской области. Родители умерли от тифа, детей растил и воспитывал старший брат Саид. В то время шла жестокая борьба с религиозными фанатами, которые были против обучения детей в школе для «неверных». А папа, когда ему исполнилось восемь лет, подал заявление в начальную татарскую школу и уговаривал других ребятшек учиться. В русской школе районного центра ему пришлось учиться двумя классами ниже, поскольку русским языком не владел. Старшие дети смеялись над его неправильным произношением, даже были драки пацанов. Но он так упорно занимался, что стал лучшим учеником. С благодарностью вспоминал свою любимую учительницу Елену Александровну Колокольникову, которая была ему доброй матерью и защитницей.

С четырнадцати лет он стал постоянным корреспондентом татарской газеты «Социализм юлы», издававшейся в Свердловске, и начал писать стихи. В 1928 году редакция газеты направила его на учёбу на Рабфак в Свердловск. Там он еще вёл работу по ликвидации безграмотности рабочих строителей Уральского завода тяжёлого машиностроения. В том же году Свердловск посетил В.В.Маяковский. Папа рассказывал, с каким восторгом встретила Маяковского молодёжь. Поэт поразил всех сво-

им ростом, голосом, необычной внешностью. Ему задавали много вопросов. Отвечал, чеканя слова. На издевательские вопросы отвечал жёстко.

Как-то на Рабфак пришёл профессор Горного института и рассказал о романтической работе геолога. На его приглашение откликнулась целая группа ребят. А перед самым выпуском папе пришёл вызов в МГУ, на филологический факультет. Учителя единодушно советовали ему ехать. Он колебался, но недолго. Решил, что писать можно и будучи геологом. И у него это получилось – ещё студентом издал пять сборников стихов, в 1934 г. вступил в Союз писателей и до 1937 г. был председателем татаро-башкирской секции Уральского Правления этой организации. Рассказывал, что сам Павел Петрович Бажов помогал ему с дефицитной бумагой. Тогда же, в 1934 г. Уральская писательская организация послала его делегатом с решающим голосом на Первый Всесоюзный съезд советских писателей.

Весной 1937 г., окончив институт, папа получил диплом инженера-геолога. Он вспоминал, что перед выдачей дипломов выпускникам устроили диктант по русскому языку. Поставили всего две четвёрки, остальные тройки и двойки. Преподаватель сказал: «Судя по фамилии, один товарищ – не русский!». Это был папа. Для двоечников организовали курсы. При распределении на работу папа попросил направить его не главным геологом, как предлагала комиссия, а

для начала – помощником рудничного геолога. Направление получил на медный рудник Лёвиха в Кировоградском районе Свердловской области. *(Возможно, выбор профессии спас его от репрессий, которым были подвергнуты татаро-башкирские учреждения города.)*

Когда призвали в армию, папа попросился на Дальний Восток. Служил в Особой Краснознамённой Дальневосточной армии. Был военным корреспондентом, ответственным секретарём гарнизонной многотиражной газеты. Во время службы по заданию командующего армией маршала Блюхера возглавил группу военнослужащих по встрече семьи Фирсовых, выехавших из Подмоскovie на Дальний Восток на пожизненную службу вместо погибшего курсанта-воен техника Фирсова, и организовал их поездку по воинским частям.

Вернувшись работать на Урал, литературным творчеством папа больше не занимался. Он стал главным геологом рудоуправления, а в первые годы Великой Отечественной войны по совместительству главным геологом треста «Кировградмедьруда». Он был забронирован на работу в подземной рудничной геологической службе. Тогда стояла задача малым количеством шахтёров выдавать для фронта как можно больше цветных металлов. Мама рассказывала, что во время войны папа не раз терял сознание, выходя из шахты. А в военкомат в Невьянске он без конца наведывался, просясь на фронт. Военком ругался, мол, надо будет –

вызовом. В семье была фотография встречи Дня Победы. Какие же там худющие мои родители, как из концлагеря.

В 1951 году папу направили в заграникомандировку – в Чехословакию. Там ещё с одним геологом они производили экспертизу, оценку перспектив месторождений, составляли рекомендации по комплексу методов и направлений дальнейших работ. Работая под землёй, не хотел подниматься наверх, пока не выполнит работу. Но у чехов во всём был строгий порядок: обед так обед! Поднимись на землю, отдохни, а потом снова спустишься и завершишь дела. О Праге папа говорил очень тепло. Однажды с товарищем ужинали в ресторане. Папа подошёл к оркестру, переговорил с музыкантами и вернулся на место. Зазвучала торжественная и прекрасная музыка. «Что ты заказал?» – «Это марш советской армии татарского композитора Салиха Сайдашева!» – «И тут это знают?» – «Как видишь. Исполняют по нотам!»

Друзья души в нём не чаяли, потому что он был верным другом, всегда готовым помочь. Видела, как дома папа корректировал какой-то документ. Лист стал весь красный от исправлений. Это был отчёт папиного товарища, отличного геолога, но с большими проблемами в русском языке. Отчет был сдан без единой ошибки.

Помню, в моём детстве жил у нас какое-то время папин односельчанин, хороший человек, но очень вспыльчивый, за драку отбывший тюремный срок. На работу его долго не

Из воспоминаний делегата Первого съезда советских писателей Хусаина Аминова – молодого татарского поэта из Башкирии

...До открытия съезда ещё целый час. Но колонны трудящихся Москвы, пришедшие приветствовать открытие съезда, уже заполнили улицы около Дома Союзов....

Из членов нашей Уральской делегации то Александр Авдеенко, то Борис Ручёв, то Николай Куштум обращали наше внимание, кивком указывая на проходящих по залу или сидящих недалеко от нас известных писателей, поэтов, драматургов.

Взоры всех устремлены на огромную сцену! Вот внезапно по всему

залу молниеносно пролетело имя символа союза многонациональной советской литературы. Все мы разом встали. Громовые раскаты аплодисментов и громкие «Ура!» были неслыхаемы.... Горький был крайне скромен. По выходе на сцену он хотел было незаметным образом сесть на один из стульев самого дальнего ряда, но этот стул занял Михаил Кольцов, с заботливым уважением проводя Горького на место председателя съезда.

Горький взошёл на трибуну. Он хочет что-то сказать, остановить овацию, но тем усиленнее гремит зал, сыплются живые цветы с балконов. В этот момент я пережил самые взволнованные минуты своей жизни....

Не было предела моей радости и гордости по поводу этой замечательной встречи. Вот он, наш дорогой Горький, стоит во весь рост перед нами. Его морщинистое, худое, по-отцовски улыбающееся лицо и причёска «ёрш» напомнили всем знакомые портреты. Его прямые, худые плечи, хриплый голос и частый ка-

Хусаин Аминов. 1934 г.

шель вызывали у делегатов затаённую тревогу за его здоровье. Вслед за всеобъемлющим докладом Горького было прочитано много докладов о национальных литературах (татарской – Кави Наджми, башкирской – Абзал Тагиров). На съезде выступали такие крупные советские писатели и поэты, как Ф. Гладков, А. Фадеев, К. Федин, Л. Леонов, А. Толстой, В. Иванов, И. Эренбург, Н. Тихонов, А. Сурков и многие другие.

Съезд длился около 15 дней ...

А.М. Горький открывает съезд писателей.

брали, и он обратился к папе за помощью. Папа помог ему устроиться на работу. Перед отъездом дядя Абдулл водил нас, девочек, в спец. магазин, и там предложил выбрать себе полушерстяные кофточки, мы отказывались, но он настоял. Это был праздник для нас и для него: время было тяжёлое.

Мы, три дочки, обожали своего папу! Не помню его хмурым, всегда у него было хорошее, доброжелательное настроение. Мы не знали, что такое наказание, окрик. Маму нашу любил нежно. Кавалеров у неё в молодости было много, выбрала его. И чем дольше они жили, тем сильнее была их привязанность друг к другу. Придёт, бывало, с работы, спросит, где мама. «В магазине». А магазины ближайшие один – на север, другой – на юг! Разворачивается и уходит. Через некоторое время возвращаются вдвоём, сумки – у папы, оба радостные. Когда уходили гости, любил декламировать: «Тихо запер я двери, / и один, без друзей, / пью за здоровье Мэри, милой Мэри моей». Маминей маме ежемесячно сам отправлял почтовый денежный перевод. В совхозе завидовали моей бабушке!

Любимые его песни были «С той поры, как мы увиделись с тобой...» и «Уральская рябинушка», любил и татарские народные песни. А из поэтов – Есенина, Маяковского. За декламацию их стихов на литературных вечерах всегда получал первые премии. Очень любил Габдуллу Тукая и Галимжана Ибрагимова. Рассказывал, что встречался с Мусой Джалилем.

Когда на работе папу поздравляли с 60-летием, со мной захотела пойти одна девушка. Маму мою она раньше встречала. Увидев папу в президиуме, она прошептала мне: «Что это твоя мать, такая красавица, вышла за него замуж?» Я похолодела, только и смогла прошептать: «Тихо». Для меня папа был очень обаятельным. Когда после поздравлений папа выступил с ответным словом и раздались громкие аплодисменты, моя приятельница в экстазе зашептала: «Ой, в такого мужчину я бы запросто влюбилась!»

Оратором папа был классным. Это искусство он специально изучал! Когда готовился к любому выступлению, записывал текст в таком размере, сколько минут сам для этого отводил, не злоупотребляя временем аудитории. Читал несколько раз, потом произносил текст на память, не заглядывая в бумагу. Меня просил сверять с текстом и следить за часами. Если превышал время, то сокращал текст. Ни о каких «это самое» не было и речи.

Как-то папа приехал ко мне на окраину города и встретил возле нашего дома председателя жилищного кооператива. Тот спросил папу: «Какими судьбами в этом районе?» – и был страшно удивлён, узнав, что папина дочь живёт в кооперативной квартире, да ещё на первом этаже, в то время, когда папа имел возможность «устроить» государственную квартиру своему чаду.

В родной деревне был создан музей его имени. Он туда ездил с подарками. В газете писали: «В том, что из села Сульмаш в 30-е годы выросло много учителей, инженеров, художников, значительная заслуга Аминова».

Очень часто я вспоминаю своего дорогого папу, его лицо с неизменной доброй улыбкой. Думаю, что подобных людей осталось совсем мало. А жаль...

В созвездии Рыб находится точка весеннего равноденствия – 21 марта.

Сергей Каратов

* * *

В почти горячих волнах океана
Я плыл среди медуз – парад-алле!
И в этом комковатом киселе
Я чувствовал себя довольно странно:
По телу – жжение, душа – навеселе.

Приемлю все: и хлад, и глад, и бури,
И роскошь вилл, и хижин полумрак,
И чей-то взрыв эмоций с пьяной дури.
Что делать, если мир устроен так?

На дне морском и губки, и кораллы
Причудливы по формам и цветам;
Здесь водоросли длинные, как тралы,
И рыбы здесь, подобные мечтам.

Подумал я, ныряя возле шлюпки,
Что мы живем, все сущее гнобя.
А красота возвышенна и хрупка.
Душа, как очистительная губка,
Всю мерзость мира цедит
сквозь себя

НЕБОСВОД

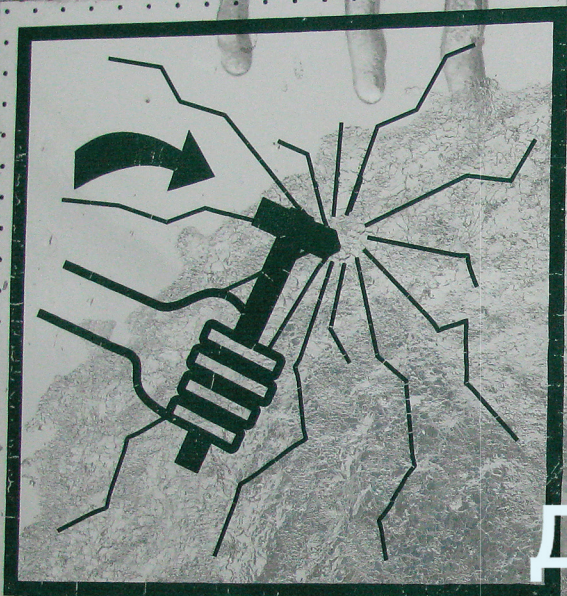
Юле Муравьёвой

С приходом холодов пустеет небосвод:
Ни разноцветных мух
не встретишь в изобилие,
Ни мышь летучая не разминает крылья,
Ни ласточка брюшком не задевает вод.

А летом и жуки средь зелени берёз,
И столбик мошкеры качается прозрачный,
В пыльце и семенах
мерцает воздух дачный
И пчёлы целый день колдуют среди роз.

Как небо обжито! И нет свободных ниш:
Вот бабочка в репьях,
вот над ручьём стрекозка...
А тут искрится снег, скрипя ползёт повозка,
И ледяной орган звенит с соседних крыш.

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

Т
Р
А

ДРАМА ЗИМЫ

А
Р
Т

Амарсана Улзытуев

Улан-Удэ

Свобода

Сводит с ума нахтигалями своими и раями,
Светами и мраками вселенных сладких и бездн,
Свобода!
Сверстник я твой,
Светел и весел иду циолковски обнимать мир,
С веком дружить, сволочью не быть,
С вечностью говорить, оседлав Джомолунгму, подлетая к Тибету,
Сваливать отовсюду в нирвану по имени Шаганэ ты моя Шаганэ,
Свистеть соловьем-разбойником на поэтов, облапив дерево Бодхи,
Свисать с ваших крыш сосульками свежих стихов,
Свитый из птичьих гнезд и нежных колец Сатурна,
Свернутый в – Амарсану – свиток волшебный из атласа бесконечности
(в переводе с монгольского – Познавший Блаженство),
Сварганенный из муравьев и вселенных,
Свадеб и светов друг,
Сват я, сват молодым песням любви и свершений,
Сведенборгом вскормленный, Кьеркегором баюканный,
Свергнутый небожитель губ этих алых любимой – делами и суетой,
Священный и совершенный тобой, свобода,
Сверчком в этом космосе битв пою...

Александр Бубнов

доктор филологических наук
ДООС – палиндрозавр
Курск

УСПЕЛ?

© AlexanDr V. Bubnov

Максим Маренков

Самара

Дивный новый мир!

еду в общественном транспорте
и вижу этот автоматизированный город
с автоматизированными людьми
с их автоматизированными чувствами
и потребностями

я схожу на остановке
вижу роботов идущих с работы
эти стандартные фразы и шутки
меня тошнит
я проблевался
один робот протягивает мне салфетку
спасибо! благодарю я его
#454!\$%%^&*47:5! отвечает он мне

я сижу у себя дома на диване
который давно вышел из нынешней моды
щелкаю каналы
1 новостной
2 новостной
3 новостной
и так далее

сегодня было изобретено новое
устройство которое...
везде одно и тоже

сажусь за старую печатную машинку
пытаюсь писать прозу
комкаю листы и выбрасываю их в окно
отходы утилизирую у себя в квартире!
кричит мне кто-то снизу
а как же мать его любовь? разразился я

но в ответ
лишь тишина
и звук
работающего механизма

чух
чух

Александр Генералов

Владивосток

Истина не горит

Из пустоты вдруг замки возникают
Вы скажете; – такого не бывает!

Да нет: Смотрите – вон он, там, в тумане!
Зачем винить волшебника в обмане?

Он не старается вас в чем-то обмануть
Он помогает вам в реальность заглянуть

Но вы уверены, что впереди скала
Душа лишь миф, и люди лишь тела

Пройдут века, но мы друг друга не поймем
Но все на свете проверяется огнем!

Полынь

Верхушки – шарики полыни
Июня теплый аромат
Ажурный лист зелено-синий
Ствола граненого наряд

Кусок листа потрешь рукою
И запах терпкий поплывет
Я раньше брал полынь
с собою
Вдохнешь эфир и боль
пройдет

Судьба бывает к нам жестока
Как устоять, найдем всегда
Ведь на холмах Владивостока
Полынь есть – горькая трава.

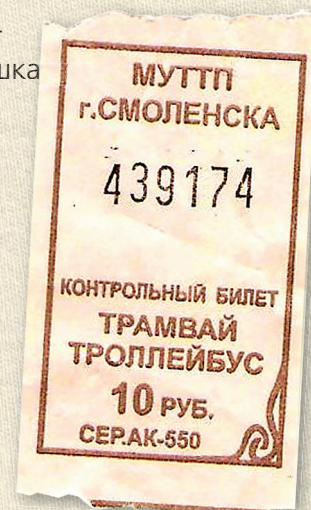

Александр Добровольский

Смоленск

Ветка марты

ветка мимозы –
солнечных зайчиков комы –
бросает в глаза – сверкающими –
как озаренную теплую воду ладошка
горстями –
словно пригоршнями монет
летающими звеня лучами –
щедро падают прямо в душу –
исторгая – искры –
молодых восторгов
и объятий миру –
как сама пушиста,
пряность марты,
желток, поющая канарейка

Олег Фёдоров

Тюмень

Любовь, Япония, деньги,
деньги, Япония, дверь.
Мартовский снег,
пианист за роялем...
Что нам делать теперь?
Что нам делать,
красивая бейби
со сцены поющая
«чики-пых-пых»?
На небе луна стоит
неподвижно,
ужасен и скорбен сейчас её лик.
Враньё по ящику,
за окнами – сальса.
на Храмах – пластик,
банан на обед...
И снова по клавишам бегают пальцы –
Япония, тающий снег...

16-17.03.2011

Лоренс Блинов

ДООС – звукозавр

Казань

ИДЫ

капли

кап

кап ли

кап

лили

лили и лили

струи мартовского

онебевесенья

о небо!

о весень!

кап

кап

карнизы небесных окон

кап

кап – лили и

лили

неба лилии голубые

врастали

в земную оконную плоть

как

струи

мартовского бляения

небесных овец

блуждающих

в голубизне

как

капли

звонящие навстречу

мартовскому

земному зеленоглазью

и лилии капли

пели и

пели

лили и

лили и звенели

кап

кап

струи небесных

струн

24/II-13.XXI.

ЗАНЬ

арба

трам –

марта бра

марта бра –

арбат рам

XX-XXI марта 22-23

Игорь Федоровский

Омск

Меня ломает эта жизнь

Задавят тоннами тона

Несимметричных этажей

Уставших солнце вниз тянуть

Меня столкнёт в асфальтный бред

Стремление подняться вверх

Я упаду в трамвайный треп,

Ища там дружеский совет

Я перемою кости всем,

Считая, что теперь я чист,

Но станет лишь трамвай тесней,

Когда вотрюсь в его печаль

Там въелось что-то посильней

чернил и точек сургуча

Искал одну из Дульсиной,

Но оказалось все на час.

Сначала было ничего,

Но обернулось всё ничем

Хотел я вечность линчевать –

Не оказалось палачей

И сотни тысяч сторожей

Сказали: Не туда попал!

Меня сломала эта жизнь,

А так хотелось за штурвал!.

Андрей Гоголев

Ижевск

Ночь дурака

дома – колода чёрных карт
разбросана по параллелям.

темно. фонарь вмерзает в март
не становящийся апрелем.

и ветер вовсе не при чем,
что лёд весны течёт ручьём.
плечо – зачёркнуто ружьём.
ружьё – для высшей цели.

что о глазах и о стволах:

в одном горох, в другом Аллах.
стихи нашли покой в столах,
а пули в тех, кто пели.

на якорь в порт, в тупой азарт
быть сытым, гордым и обутым.
но вот фонарь вмерзает в март
и до апреля пол минуты.

проездом. по гостям. транзит.
весна взлетает и скользит.
фуршет, шампанское, визит,
вода пустых расселин.

шагает по мосту река.
её нечистая рука
ружьё кидает в облака
(точнее в отраженья)
закончив март, день дурака
начав апрель издалика,
идёт по улицам слегка
скривив изображение:

кривой фонарь потёк по льду,
ружьё ушло и пуль не стало.
и сам я стал каким-то талым,
вот, потеку теперь. пойду.

1.4.12.

Светлана Смирнова

Уфа

Я трамваем стареньким проеду
Вдоль худых окраинных дворов,
Вдоль заброшенных пустых беседок,
Словно старый грустный птицелов.
Голубя окликну, он ответит.
И расскажет про свое житье.
Про зеленый сумрак легких веток,
И про небо, где искал ее.

Владимир Попович

Приютово, Башкортостан

Удивляюсь, кому это март,
Приглашенный сюда жизнелюб-иностранец,
Обманувший бесцветие контурных карт,
Посвящает свой медленный танец.

Ведь партнерша лукавит ему,
Представляясь кокетливо нежной весной,
Чтобы жалобно выюжить ему одному
Над полями и сенью лесною.

И прощально, смиренно кружит,
И глаза поднимает влюбленно и томно,
И в лицо кавалеру она ворожит,
Обнимая за плечи нескромно.

А тому, как назло, невдомек.
Он растерян, и прячется тень сожаленья
За остатком недель. Он заметно продрог,
Ожидая конца представленья.

Полина Ерофеева
Санкт-Петербург

Кто подставил Киевский вокзал?

Мир всегда разный.
С бетонной дороги –
 один.
С речного трамвая –
 другой.
Из поезда – третий.
Ничего не поделаешь.
Он такой.

Одинокий рвется
 через крапиву.
Пузатые взяли по пиву.
Голый трамвай боится.
Бородатые женщины докрасна
Растирают свои краснорожие
 лица.
У них, не поверите, весна.

Москва, Солянка, март

Солянка-улица. Солнце.
На голову капает с крыши дрянь.
Хорошо. Рядом люди как люди,
река и, наверное, древние духи сгустились.
«В такую рань?» –
шепчет старушка
В обезьяньем воротнике
И скрывается в пыльном грузовике.

Восточные иностранцы
в апельсиновых жилетах
(кляц-шмяк) долбят лед.
О чем они думают, разбивая стекло?
Кто их разберет?
Получили, заплатили, куда-нибудь унесло.
Вверх по горе – церковь и колокол.
Ни души.
– Какое ложное здесь тепло.
– Не спеши.
Желтая дорога, ноги в мурашках,
Тихо вокруг
И не видно в карманах рук.

Татьяна Виноградова

Наваждение

ставшая бредом явь
ставшие кровью сны
тело моё не оставь
 душу мою возьми

город лежит во мгле
снег и весна и свет
тянется плоть к тебе
и избавленья нет

тёмный запретный ад
стоны земных богов
слаще любых наград
проклятая любовь

неумолимый зов
спать у тебя на груди
сорван последний покров
только не уходи!

РАЙ

...А в раю мы встретим всех, кого любили.
Даже кошек.
И увидим всё, чего хотели,
но при жизни как-то не смогли.
Даже Бога.

И ещё там будут все цветы,
которых нам не подарили те,
кого мы так...

И они, те самые, тоже будут там.
И на всех на них у нас будет время,
и у всех у них для нас будет время,
потому что времени там – целая вечность.

И никто никого ревновать не будет,
и никто не впадет в депрессию
и не покончит смерть самооживством,
и не изгонит самого себя из рая –
мол, на арфе играть достало!
Ибо всем нам дальше ехать некуда.

А если кому на арфе не нравится –
выдадут ударную установку.
Ибо милосердие Божие безгранично.

Александра Пауль

Приглашение на Элефанту

На веселой Элефанте
Я останусь навсегда!
Дирижабль «Экстраваганта»
Может вас забрать туда.

Можно в розовом трамвае
В полночь по воде прибыть,
На орле из Уругвая
В тени ветра проскочить.

В бандероль упаковаться
Самого себя послать,
С антилопой столкнуться
Гордо к ланчу прискакать.

Там лимонные рассветы,
Шоколадные мечты,
Неразменные монеты,
Говорящие кусты.

Там конфеты вырастают
У оленей на рогах,
Там танцуют горностаи
С орхидеями в зубах.

Божий бык вас покатает
В изумрудных облаках,
Там вам счастья пожелают
На забавных языках.

Не забыть бы выпить чашку
Лимонада из стихов.
И в кафе «Мадам Ромашка»
Съесть двойной цветочный плов.

И послание на сушу
Мелким байтом передать:
«Счастлив. Сыт. Живу под грушей.
Не грустить и не искать».

Но замерзнув в лунном мире,
Приезжайте навестить.
На поющем крокодиле
К нам всегда легко приплыть!

.....

Галина Мальцева

ДООС – стреказелла
(Бумага, смешанная техника)

Специально для ПО

Алёна Кулажина

Бумажные фуражки (то, что было вчера)

Трамвайными нитями,
сотами, звуками
сплетается счастье под вплоть ос-кор-бительно
жаркими стуками.

И вздохи, и вдохи.
во вздохе – усталость,
во вдохе – свобода.
и самая малость
и целая ода.
и вдохи, и вздохи.
счакносвомысохи
дурсвеглячистохи

примите
войдите
ревите

Под вои в ногтях
в каких областях
бытуют такие комочные крики.
и преданы лики
сжигающим тикам.
воздушны и дики,
прекрасны те лики.
сожгли нас их тики,
с ума свели крики.
мы сами – те лики,
воздушны и дики.

Не между,
не сквозь.
здесь так повелось,
что мы без одежды,
невежи, невежды.
терзай нас, кусай,
ломай и ласкай
тем лунным, что где-то во мне сорвалось.
мы здесь без одежды,
и только невежды,
и только невежи
все те же, и те же.
не сквозь и не между.

В руках – каждый голос,
короткий как волос,
что был в наших мыслях
во временных смыслах,
и только не дважды,
но в точности каждый
и голос и волос –
с доверчивой жаждой.

Сплетается счастье
трамвайными нитями,
а сотами – стуки,
и так оскорбительно,
что жарко и сладко,
и где-то с украдкой
сплетаются в счастье
трамвайные звуки.

Рисунки **Кристины Зейтунян-Белоус**
в книге О.Мандельштам. «Два трамвая». М., ОГИ, 2012.

Сергей Зотов

Саратов

Долгий путь назад

Лучатся стены невыдуманным инеем,
Искрятся синими отблесками вечера,
Стоят два силуэта, черным отсвечивают,
Говорят на этой вчерашней встрече.

Стада облаков дождь обволакивает,
Города уговаривают своими слезами,
Фигуры бегущие неспеша орошая,
Увертюры кричащие стеной поглощает.

Небосвод нахмурился, она видит волнение,
Волновое течение в карете лета,
Полчаса осталось, а еще не одета,
Небеса закутались в сарафаны рассвета.

Огоньком поблескивая зажигалки синенькой
И воротником миленьким, шаги он отсчитывает,
На точке встречи он прямит нарочито
Цветочки и плечи пожимает сердито.

В трамвае ехали, освещенном и маленьком,
В мае бедненько щебетали птички,
Свой номерок ему дала по привычке,
Усвоя урок неудач ироничных.

В постели ворочаясь глаза открылись,
Еле умылись, не ожидая свидания,
Причины встреч неизвестны заранее,
Не перечьте судьбе, она же старается.

Татьяна Зоммер

ДООС – Зоммерзавр

Мартовский палиндром

Театр и март: сам астра-мир тает!

словарь цветов
увяз в снегу
в глазах зимы
проклюнулась весна
я в солнечных
часах глазах цветах
бегу

лучами первыми
весна раздела землю

оденься заболеешь

вечная мерзлота
сменяется сократой
поджигатель растопит лёд
человеческих ним
zeppelin

Сергей Бирюков

ДООС – заузавр
доктор культурологии,
Галле, Германия

СРЕЗ МАРТА

Из марта в март
из трама в трам
из рамта в рамт
но рамки нам
тесны
мы ждем
весны
и март на траме
везет весну
в березовом венце

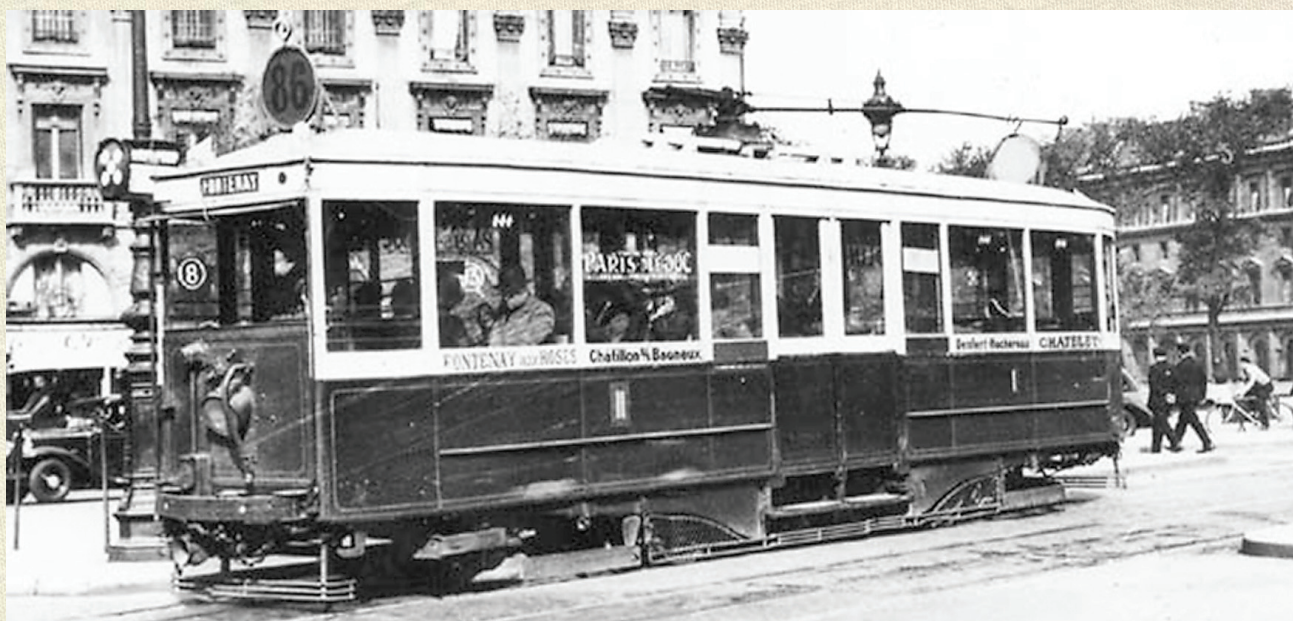
и буква Ц
выходит из тумана
в ней Цельность истины
полетность птиЦы
о эти верениЦы
Ц-слов
в раскрытой книге книг
так женщину читаешь
влюбленными касаньями
страниЦ

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС
Париж, Франция

Парижский трамвай
был ликвидирован как класс в 37 году
Его недавно реабилитировали
белый с зеленым
похожий на инопланетную стрекозу
курсирует по окраинам
с задумчивым видом
До центра ему не добраться
101 километр
(его парижский эквивалент)
трамвай еще ограничен в правах
но уже набирает силу
трамвайный бунт
трамвайный бум
трамвайные будни в Париже
еще впереди

Парижский трамвай, 1933 г.

Валерий Байдин
Кан, Франция

Фрагменты из романа
Начало в № 5-9 2012 г.
и № 1-2 2013 г.

СВА

ПРОЗЫРЕНИЕ

Рисунки **Сольми**,
80-е годы XX в.

[...] Через два дня они вышли на «Динамо», прошли через парк, и Сва поразился совпадению: эти московские суфии жили совсем близко от уже знакомого дома. Всю оставшуюся дорогу он думал о Лави, отвечал невпопад и время от времени тягостно всматривался в потухающее небо.

— Где она сейчас? В неведомой генеральской квартире или ещё в больнице? Одинаково недоступная и там, и тут...

В душном комнатном воздухе незнакомого подъезда эти мысли рассеялись. Хлопнула дверца лифта, и его мечты устремились к таинственному Востоку.

Квартира олдов ничуть не была похожа на хипповый флэт, скорее, напоминала изрядно запущенную мастерскую художников. В прихожую, заставленную пыльными подрамниками и какой-то дачной рухлядью, Сва прошёл вслед за Нотом и вместо хозяев увидел большую белую персидскую кошку.

— Проходите, надевайте тапочки! Там, у входа, слева. Нот, хлопните, пожалуйста, дверь! — произнёс быстрый женский голос, и фигура в пурпурном халате устремилась вглубь по коридору. Сва замешкался на пороге, снимая обувь. Видимо, свет тут горел постоянно, освещая жёлто-серые разводы много раз протекшего потолка. Только в гостиной, обставленной по-восточному, он, наконец, услышал:

— Здравствуйте, меня зовут Лилиан.

Хозяйка с чёрными гладкими волосами и блестящими карими глазами протянула худую руку, звякнув множеством массивных браслетов.

— Сва! Учится на филфаке, в московском универе, — представил его Нот.

— Чудесно. А вот и Нил, моя алхимическая половина, — загадочно представила она невысокого рыжего бородача.

— Николай Ильич, если хотите. У него сейчас срочный заказ в издательстве. Он потом придёт, чай с нами пить. Ты придёшь?

Хозяин с пронизательным взглядом крупных серых водянистых глаз, кивнул, мягко пожал руку Сва, поздоровался с Нотом и, прежде чем скрыться в соседней комнате, чему-то понимающе улыбнулся. Ему было далеко за сорок, ей, по виду, около тридцати. Через пару минут вместо чая Лилиан поставила на низком столике у дивана маленький поднос с тремя пиалами и металлическим кувшинчиком, а сама села напротив, на устланное ковром кресло. Закурив, посмотрела на Сва, чуть задержала изучающий взгляд, но тут же опустила веки и улыбнулась, заметив его смущение:

— Нот говорил, вас интересует суфийская мистика? — начала она разговор, разливая густое красное вино.

Лилиан, видно, совсем не стеснялась своих случайно обнажившихся колен и бледного осунувшегося лица. Её глаза то и дело пронзительно вспыхивали, убеждая: «У меня нет возраста».

— Если честно, я суфиев не читал, только слышал о них. От Нота вот, — замылся Сва.

— Тогда, хотите, я вам для знакомства кое-что прочту? — неожиданно спросила она, отложила сигарету и сходу, по памяти, произнесла несколько звучных строф.

Неожиданные мысли и образы поразили, впечатались в сознание: наш «пращур» — божественное вино, «а Адам был потом», «тело — наш виноградник, а дух наш — вино», опустошается плоть, и в её руинах рождается дух...

Лилиан помолчала, затянулась сигаретой и посмотрела на Сва:

— Это знаменитая «Винная касыда» великого суфия Омара ибн аль Фарида.

— Получается, что «в начале было вино», а не Слово, — иронично заметил Нот. — Похоже на мистику для хиппов, которые выпить не прочь.

— Отнюдь нет. Это поэзия для избранных, простакам не понять, — с нажимом произнесла она, вспыхнула и тут же сменила интонацию, опять устремив на Сва сияющие глаза. — Но стать избранным со временем можно, хотя и не всякому. Вначале этого нужно сильно захотеть... Увы, по-настоящему захотеть что-либо могут лишь единицы. Тем, кто искренне стремится к откровению, станут понятны тайные смыслы, зашифрованные в простых образах: вино, виноградная лоза, опьяняющий экстаз, любовь. В суфийской мистике, в поэзии это лишь обозначения вех на пути познания истины. Но для начала выпьем! Пусть это будет ваш первый суфийский жест.

Нот неохотно поднял пиалу. В какой-то миг Лилиан показала слегка пьяной — так странно примагничивал острый блеск её отливающих зеленью глаз.

— Хотите, прочту вам ещё кое-что? Моих любимых персидских суфиев? Они писали необычайно глубоко, красиво, стремились, чтобы слово соединялось с душой читателя и властвовало над ней. И чтобы поэт полностью владел словом. Такой двойной властью суфии обладали в совершенстве. У персов вы наверняка это почувствуете. Вот как о мистической любви писал Саади...

Удивил незнакомый ритм, опять сверкнули и запомнились необычные мысли: лишь слёзы восторга открывают глаза для сокровенного, вино божественного безумия даёт свободу, странник идёт до изнеможения по пути любви и не может остановиться.

– Замечательно! – не удержался Сва.

Лилиан улынулась:

– Я рада. Но если бы вы знали, как Джами воспевает свою возлюбленную — истину и красоту в телесной оболочке! Можно навсегда забыть Данте, Шекспира, Гёте, Пушкина и прочих гениев.

Она принялась по памяти, не сбиваясь, читать строфу за строфой. Но Сва почти не понимал слов — ловил на себе лёгкие уколы её зрачков и недоумённо цепенел.

– Прочти им лучше Руми, — послушался рядом голос Нил.

Оказалось, он тихо сидел рядом в кресле и покуривал трубку.

– Нет, это на память я не могу. Дай гостям домой почитать, из той подборки, помнишь? А я пойду чай готовить.

Нил кивнул и взглянул на бледные малахитовые разводы старого потолка. Рядом с ним на диван вспрыгнула кошка и уставилась на Сва жёлтыми позолоченными глазами. Не глядя Нил плеснул себе вина:

– Вы, наверное, слышали, в суфийской поэзии всё построено на метафоре, на символе с многозначным смыслом.

Но в настоящей мистике истина открывается лишь тем, у кого сознание готово её воспринять. От неподготовленных она прочно скрыта. Как писал великий аль Фари́д: «Солги глазам и ясность спрячь в туман — живую правду сохранит обман». Понимаете? Вы можете, конечно, прочесть этих поэтов. Сейчас я принесу вам перепечатки. Но учтите, древние не читали, а слушали поэзию. Это был, по сути, обряд посвящения. Ученики собирались в доме мудреца и поэта, иногда пили вино. Случалось, самым близким из них давали курящиеся ароматы с примесью особых трав, настоек или сладости с разными добавками. Сейчас всё это называют наркотиками и путают с тем грубым дурманом, который по совдепии разные чебуреки толкают. Конечно, тот, кто ищет дешёвого кайфа, легко ловится — ничего не находит, но теряет жизнь. И таких, поверьте, очень-очень много. Кстати, слово «кайф», точнее «кейф» или «кэф», арабское и означает состояние сонного блаженства — весьма далёкое от суфийского экстаза. Ну, да ладно... — он опять откинулся на спинку дивана и неспешно повернулся к Сва. — Скажите, а почему вы заинтересовались суфиями? — глаза Нила с непонятной лаской разглядывали его.

– Я их почти не знаю. Слышал, что у них был особый путь к истине. Может быть, схожий с дзенским, с даосским? Хотелось бы узнать. Меня вообще интересуют разные религиозные откровения, высшая красота человеческой мысли.

– Да, конечно. Красота мысли, откровение — это не может не увлечь, если вы духовно развитый человек. — Нил улыбнулся. — А вы верите в Бога?

– Нет. То есть, да... — запнулся от неожиданности Сва. — Но я не верю в детского Бога, Бога для старушек. Как бы такого Бога ни называли — Аллах или Христос. Боги разные, а истина одна. Меня интересует истина, не из книжек вычитанная, а лично пережитая. Её я и называю Богом, — тут Сва смутился, поймав на себе взгляд Нота.

– Понятно, — доброжелательно кивнул Нил. — Вы не похожи на вашего друга. Он — православный христианин, выбрал свою традицию и преданно ей следует. А вам нужно непременно пережить истину в себе. Так ведь? Или за этим стоит экзистенциальный поиск обычной душевной веры, — он усмехнулся, — той, что нам строить и жить помогает?

– Истинная вера как раз и ведёт к истине, а не просто душу для подвигов тренирует, — вступил в разговор Нот, и Сва показалось, что они продолжают какой-то незаконченный спор.

Действительно, в тот же миг Нил нетерпеливо заметил:

– Об этом мы уже говорили... Скажите, вам имя Идрис Шах знакомо?

– Нет. А кто это? — вскинул брови Нот.

Нил задумался, мельком глянул на Сва и продолжил:

– Давайте о нём... в другой раз поговорим. Вы, помню, так и не ответили, как можно верить в высшую истину, которой вы не постигли, и может быть, никогда не постижете, поскольку — допустим на миг — этой истины, как вы её понимаете, просто не существует?

– Могу ответить. Я думал над этим, – лицо Нота порозовело и потеряло обычное добродушие. – Говоря просто, церковная вера – это прямой способ познания истины. Наиболее древний и верный. Не туманной личной истины, моей или иного человека, а той, великой, что была до меня и после всех нас останется. Истину нужно искать вместе с другими людьми – соборно, как раньше говорили. Искать с помощью духовника, то есть учителя, наставника веры. И главное, нужно делать усилия, чтобы в этой истине жить, а не просто, лёжа на диване, созерцать высшие абсолюты.

– Но нельзя же придумывать себе истину, исходя из народной веры – взятой от толпы, пусть даже церковной толпы. Православие, как известно, говорит о непознаваемости Бога с помощью обычной, повседневной веры. Истина нисходит свыше на немногих избранных, она не может открыться всем сразу. Без божественного озарения любой ваш учитель – как костыль безногому, извините за грубоватое сравнение. Помните, как сказано в Евангелии: «Много званых, мало избранных»? Высшему откровению и сейчас не верят, как не поверили Христу, пришедшему к людям.

– Кто-то не поверил, а кто-то поверил. Поверившие и стали первыми христианами. Откровение может быть дано ребёнку, неграмотному мужику и не дано царю или книжному мудрецу. Его получают от Бога лишь чистые сердцем... Но, извините, я не хотел бы продолжать этот разговор. – Нот недовольно насупился.

– Хорошо, мы закончим его вместе со Сва, – сухо вато согласился Нил и повернулся в его сторону. – Вы, молодой человек, как я понимаю, интересуетесь суфийской практикой, а не только мистикой.

В этот момент Лилиан внесла поднос с дымящимися чашками чая и блюдом восточных сладостей:

– О, я слышу мужские споры! – кокетливо оглядела она сидящих за столом. – Это прекрасно. Можно я к вам присоединюсь?

– Так вот, Сва, – Нил отхлебнул чай и бросил в рот несколько изюминок, – начальный порыв веры неотделим от воли и необходим, как условие пробуждения духа. Надо захотеть проснуться от сна жизни. Чтобы обрести истинную веру, или, лучше сказать, волю к познанию истины, нужно пробудить сознание, прорвать его защитную, телесную оболочку и освободить наши, обыкновенно скрытые, чувства и способности. Для суфия тело – лишь инструмент души, а душа инструмент духа. Опыт их пробуждения и называется экстазом, который достигается сначала в священных танцах – радениях, по-арабски «зикр». Кружение на месте или в хороводе, молитвенные возгласы, удары тамбуринов, ускоряющийся ритм мелодии, движений, действие некоторых снадобий – всё вместе разогревает тело, и оно, наконец, отпускает душу высь. Тогда плоть падает, словно бездыханная, а душа в полёте раскрывается навстречу духу и соединяется с абсолютном. Это озарение, или священное безумие, длится лишь миг, но миг поистине бесконечный... – Нил грустно улыбнулся и посмотрел на Сва. – Мы с Нотом об этом уже говорили, но он, как видно, не проникся. Так вот, выход из духовного экстаза, называе-

мого «джазба», мучителен. Происходит погружение в сон прежней жизни, и душа суфия начинает смертельно тосковать, мечтать о новом восхождении. Некоторые не выдерживают падения в мир и навсегда становятся безумны... Вот совсем коротко и очень грубо – простите! – о суфийской практике озарения.

Объяснения Нила привели Сва в восхищение. Захлестнули новые, поразительные мысли. Именно это искал он в поэзии, музыке, религии, жизни, в самом себе – экстаз, озарение свыше! Суть возражений Нота так и осталась непонятной.

На прощанье Сва и Лилиан обменялись телефонами. Провожая друзей в прихожую, она легонько сжала ему руку:

– Звоните, вы нам понравились, – её глаза пристально, без улыбки, блеснули и теперь, из-за тусклого освещения показались особенно загадочными.

К метро они с Нотом неслись почти бегом, чтобы успеть до закрытия.

– Знаешь, я не знаток суфизма, но по-моему... Нил наговорил о нём немало чуши... А ещё больше о православии... – запальчиво выкрикивал Нот, едва поспевая за Сва.

– Не знаю... Мне было крайне интересно... Потрясающие люди! Спасибо за знакомство, – кричал он в ответ. – Я только не понял, про какую коллективную веру ты говоришь? Я и ты в толпе старух... Объясни, чепуха полная!

– Пойми, вера не связана с интеллектом... Это как интуиция, это дар души! Она может быть у разбойников и отсутствовать у философов... Вера – это путь постижения божественного... понимаешь?

– Неплохо ты бандитов зачислил в православие. Вместе со старухами безмозглыми, – приостановился Сва. – А нам с тобой что тогда делать?

– Не такие они безмозглые, как ты думаешь. Походи в церковь, присмотришься! У этих старух дар веры – как дар самой жизни. А у наших поэтов и художников их так называемый творческий дар – шиза крутая, за редким исключением.

– Ну, ты загнул! Это от спешки. Ладно, Нот, дорогой, пока! Потом договорим. Как раз твой автобус! А я – на метро!

В ответ тот обиженно махнул рукой и заскочил на подножку:

– Звони!

– Обязательно! На днях!..

В метро и дома, уже засыпая, Сва восхищённо повторял запавшую в сознание строчку Джами: «желанная... из вещества души твоё сложили тело». Вспоминал удивительный вечер, странные взгляды Лилиан, отмахивался от нелепых мыслей и без конца представлял себе Лави, её восторженные глаза, упоительную нежную наготу. Как жаждал он её выздоровления! Теперь ничто не помешает их любви. Он представлял встречу с ней и ни о чём другом не хотел думать:

– Лави, я вылез из помойки. Покончено с миром уродов, я отмоюсь от грязи. Наша жизнь изменится. Я смогу тебя вылечить, оградить от любой боли – хотя бы с помощью

суфиев, их поэзии. Познакомлю тебя с удивительными людьми. Ты забудешь весь свой мрак, увидишь, что истинная любовь, экстаз жизни – ещё впереди!

Уже около трёх месяцев, как Лави исчезла, и он ждал от неё вестей со дня на день. Сколько можно держать её в психушке? Наверняка она уже вышла из крезы, а на свободе окончательно оживёт, они снова будут вместе, любовь сотворит чудо. Когда в один из вечеров раздался поздний неожиданный звонок, Сва с колотящимся сердцем бросился в прихожую прямо из постели. Но звонила не Лави, а Лилиан. Судя по голосу, она спешила:

– Сва, мы с Нилом забыли дать вам почитать обещанные стихи. Простите уж, заговорились тогда. Заходите к нам завтра, часа в четыре, не позже. Сможете?

– Спасибо, с радостью, но я не уверен, что Нот будет свободен.

– Я попробую с ним созвониться. Но вы всё равно приходите, даже один. Адрес наш помните? Если завтра не сможете, нам потом гораздо сложнее будет встретиться. У нас – работа, у вас – учёба.

– Да, вы правы, мне давно пора курсовую писать. Хорошо, я приду. Обязательно.

– Ну и отлично. До завтра.

Лилиан

Перед подъездом большого угрюмого дома на Масловке Сва почувствовал необъяснимое беспокойство, но когда Лилиан с улыбкой открыла дверь, все сомнения исчезли. На ней был лёгкий, затейливой выделки полосатый халат с рисунком цветов и птиц, жёлто-красная ткань переливалась при каждом движении. Голову увенчивал шёлковый красный платок, повязанный в виде тюбана с перламутровой каплей чуть выше лба. Бусы, колье и многочисленные перстни на этот раз были тоже из перламутра.

– Вот стихи! Сразу кладите их к себе, чтобы не забыть, – вскользь коснувшись его руки, она сунула Сва папку и направилась вглубь квартиры. – Проходите в гостиную, будем чай пить. Нил придёт позже, у него опять срочные дела. А я сейчас вернусь. Немного подождите.

В квартире звучала тихая, далёкая, бесконечная мелодия... Минут через десять Лилиан принесла и поставила на столик у дивана две пиалы с красноватым чаем, блюдечко с изюмом, курительницу, источавшую приторный дымок, потемневшую от времени медную сахарницу восточной работы и вазочку с пурпурной маленькой розой. Сва овладело тихое мление. Он заметил под полами халата красные шаровары и чуть загнутые кончики жёлтых кожаных туфель, одетых на босу ногу, скользнул взглядом по её опущенным глазам, подкрашенным ресницам и проникся к Лилиан внезапным обожанием. Сегодня она выглядела значительно моложе, чем в день знакомства, и в своём наряде напоминала красавца юношу с персидской миниатюры. Глаза невольно проследили, как она мягко прошлёпала в угол комнаты, присела на корточки, выключила магнитофон и с улыбкой вернулась.

– Что это была за музыка? – Сва выпустил прощальную струйку дыма и погасил сигарету.

– Красиво? – прищурилась Лилиан. – Сначала был арабский ребаб, а потом музыка испанских морисков. Вряд ли вы это слышали.

– Вы словно из восточной сказки явились, – не удержался Сва и понял, что краснеет.

– Вам нравится моя одежда? – довольно улыбнулась она и отвела глаза.

– Вопрос! Ни на ком никогда не видел ничего подобного.

– Очень рада. Надеюсь, вы от чая не откажетесь? Точнее, это не просто чай. Я специально для вас заварила самые редкие травы, разные снадобья – с Памира, из Киргизии. Их невозможно найти в Москве, попробуйте!

Сва отхлебнул и зажмурился. Поразил глубокий горько-сладкий вкус со множеством неуловимых примесей и ароматов:

– Оо! – качнул головой. – Невероятно! Одновременно что-то жгучесладкое и необычайная свежесть. Я чая с такими примолотами и представить не мог.

Лилиан сдержанно хмыкнула:

– Чай из магазина я бы вам не предложила.

– Да, восток – это восторг! – с пафосом воскликнул Сва и слегка смутился.

– Восток – восторг... Неплохо. Я рада, что вы способны тонко чувствовать, – Лилиан задумчиво улыбнулась, помолчала. – Значит, у вас артистичная, восприимчивая натура. Тем важнее предупредить вас об опасности. Нил в прошлый раз говорил, что настоящее откровение постигается только в экстазе. Но если ваш дух неподготовлен, неукротим и слишком быстро стремится вместить бесконечное, он может повредить оболочку души и даже покалечить тело. Некоторые наделённые художественным даром люди глубоко страдают оттого, что их дух скован немощью души и потому не может достичь подлинных высот. Такие люди часто погибают раньше взлёта. Разные снадобья стократно усиливают духовную мощь даже у неподготовленного человека, кстати, это о них говорится в русских сказках о богатырях. Но! Но они во стократ быстрее, чем обыкновенное безумие, разрушают волю и психику – всю так необходимую мудрецу гармонию духа, души и тела. Увы, для многих из хиппов баловство с разной дурью стало началом движения в ад, – она многозначительно кивнула головой, подтверждая свои слова.

– Нельзя идти в заколдованные подземелья без проводника. Так что слушайте внимательно... Восторг и означает по-русски «экстаз». В своих глубинах суфизм весь пронизан его энергиями. – Лилиан отхлебнула из пиалы и прикрыла веки. – Радения дервишей, их музыка, танцы, экстатические молитвы похожие на заклинания – это лишь некоторые пути, Нил вам уже рассказывал. Но есть и другие.

Её глаза, сияя незнакомым блеском и словно блуждая, встретились с глазами Сва:

– Допейте! И я вам скажу нечто важное.

– А можно, с сахаром? – спросил он и снял крышку с сахарницы.

– Это не сахар, – улыбнулась Лилиан, – это так называемый «зелёный шербет», приготовленный немного иначе.

Наверняка, вы о нём ничего не знаете. Но подождите, его надо пробовать после всего, отдельно и осторожно.

— Даже не слышал о таком, — мечтательно признался Сва, и в голове у него поплыли успокоительные мысли: «Нет, это не наркота. Лилиан этим не занимается. Это какое-то древнее снадобье, как они с Нилом говорят. Всё пройдёт без следа, как светлое, небесное опьянение, надо только постараться хоть что-нибудь запомнить. Повезло мне с олдами — встретить такую щедрость и такую культуру. Как хорошо, что я им понравился...»

— Пейте как можно медленнее, а я вам почитаю суфийские стихи, из моих самых любимых. Они часто звучат у меня в голове, сами собой, — опять опустив глаза, проговорила Лилиан и начала читать по памяти, потом вынула из-под столешницы пачку машинописных страниц.

Сва недоумевал, как бумажные листки могли так плавно и покорно устремляться за её рукой, за голосом:

О, этот вечно пересохший рот,
Которому глотка недостаёт!
Я жажду жажды, хочет страсти страсть,
И лишь у смерти есть над смертью власть.

Подобных стихов Сва не слышал. Но слова то и дело пропадали в лёгком шуме и неясных грёзах:

..... О, дай
Войти в бескрайность, перейдя за край,
Где мертвый жив, а делящий жизнь —
мертвец,
Где лишь начало то, что здесь конец.

Глядя на дымок, льющийся вверх из курильницы, он перестал ощущать себя. Лишь зачарованно следил за сизой витиеватой струйкой и пытался проникнуть в неуловимое, такое близкое откровение: «Тут целый потаённый мир — мир запахов. Так много сути в малом, так мало сути во многом. Души сгорающих трав возносятся к потолку. Нельзя оторвать взгляда от пути ввысь. Их земная жизнь кончена, но осталось благоухание. Как блаженно кружится от него голова. Жизнь, любовь, смерть — всё слито воедино. Умирать на миг и опять возродиться — это возможно для избранных...»

Мысли легко струились, стлались по комнате вместе с курящимся дымом, обволакивали стол, кресло и сидящую в нём Лилиан. И он сам будто парил в воздухе. Оставаясь на месте, тихо плыл к потолку.

— ...суфии учат понимать единство жизни и смерти, смысл любви и сокровенную суть вещей, — услышал Сва и посмотрел на Лилиан.

Она сидела рядом и протягивала ему медный сосуд с откинутой крышкой:

— Теперь попробуйте. Берите немного, но не глотайте, всё само тает во рту. Вот так! — она чуть высунула алый тонкий язык и проглотила ложечку маслянистой темно-зеленой массы. Сва сделал то же самое и почувствовал вкус только что выпитого чая, но неизмеримо более сильный.

— Берите ещё. Да, не стесняйтесь! Это всё для вас, для дорогих гостей, — ласково улыбалась Лилиан.

— Что-то невероятное по вкусу, — пролепетал Сва. — Похоже на... не знаю, как будто гвоздика чувствуется... анис. Не могу понять.

От языка расходилась волна неведомых ощущений, поднималась в мозг, растекалась по телу. Сва немел, погружа-

ясь в странные видения: «Я уже на Востоке. Оказывается, так легко всё представить...»

Под потолком качнулась и двинулась в угол комнаты арабская лампафонарь из прорезной меди. Но тут же движение остановилось, он очнулся на прежнем месте, наткнулся на близкий острый профиль Лилиан.

– Что-то, простите, я немного устал. Сразу столько нового... – он смутился и, теряя силы, откинулся на спинку дивана. – Простите...

– Это иногда бывает. У тонких натур. Сейчас пройдёт. Выпейте, чтобы освежиться. Вот, розовой воды, – доносил до него то близкий, то далёкий голос.

Сва что-то глотнул – пахнуло запахом розы. Жидкость была густой, холодащесладкой. Он вдруг забыл, как здесь оказался и зачем сидит перед молодой прекрасной арабкой и слушает её странную речь. Ничуть не удивился, лишь обрадовался, когда она запела. Нежный голос струился в комнате, словно дымок курильницы. Горячий ветер пустыни пахнул в лицо, Сва легко взлетел над столиком и повис в воздухе.

– Как же это? Как же так? – слабо звучало внутри.

В этот миг гурия в маленьком тюрбане подошла, раскрыла халат, и Сва простонал от её наготы. Мягкие руки обняли его и опустили на песок. Арабка, чарующая, немислимо близкая, держала его невесомое тело, спасая от нарастающей сладостной боли. Ничего не понимая, он проникал вглубь бесчисленных поцелуев, в чашу густого, жгучего вина. Совсем близко, за сверкающей стеной, таилось откровение. Еще миг, ещё – невыносимое блаженство взорвалось в сердцевине плоти, заполнило до предела.....

.....
Он парил в восхитительной пустоте. Долго спускался, удивляясь и горя. Женская тень мелькнула рядом и исчезла. «Зачем я здесь? – облачками проплывали мысли. – Неужели это я? Как оказался в этом тёмном мире?»

Где-то вдалеке послышался звук шагов. Сва очнулся и зябко поёжился. Гостиная была в полумраке, из-за плохо зашторенного окна лился внутрь ледяной, ядовитый свет фонарей. Он попытался встать с дивана, пошатнулся, задел ногой столик, на котором уже ничего не было. Открылся освещённый дверной проём. В нём стоял Нил и смотрел с любопытством:

– Здравствуйте, здравствуйте! А я только что вернулся и заметил вас. Идёмте на кухню, будем ужинать.

– Спасибо, мне... не хочется, – через силу пролепетал Сва.

– У вас были видения? Нет-нет, ни о чём сейчас не говорите! Если есть силы, лучше возвращайтесь домой. Потом поговорим.

– Да, я пойду, – с трудом выдохнул он. – А где Лилиан?

– Она в магазин отошла, скоро вернётся. Вы её подождёте?

– Нет, пожалуй, – Сва начал догадываться, что произошло, будто сомнамбула двигался по комнатам и коридору к входной двери.

– Выход здесь, – Нил легонько потянул его в другую сторону, что-то надел на плечи, вывел на лестницу и открыл дверь лифта. – До встречи, Сва.

– Да... – сонно произнёс он и нажал кнопку спуска.

Тело едва двигалось от непосильной тяжести. Хотелось упасть на землю и лежать до бесконечности. Уличный холод заплывал вглубь сна, тревожил, будил. Надо было идти. Домой. Из последних сил переставлять ноги. Метро, турникет, эскалатор... Пошатываясь на сиденье трясущегося вагона, Сва боролся с навязчивой жутью: сознание то и дело отделялось от тела, и тогда он не мог пошевелиться, будто парализованный. Глаза закрывались сами собой. В голове тоскливо вертелось:

– Кажется, я влип, как никогда. Лави, погано без тебя.

Поздним утром он проснулся одетым на своей кровати, холодея от страха. Мозг колола мысль: произошло что-то непонятное, сладкогадкое. И если он вновь окажется у олов, будет ещё хуже. Смутные видения наплывали одно на другое, прожигали сознание, разгорались в теле, сводили с ума: лицо Лилиан, тянущие в себя острые глаза, столик с восточными угощениями и всё, что было потом, с этой гурией... Весь день Сва прожил живой тенью, не понимая толком, что с ним происходит. Неведомо куда ехал в метро и в отчаянии думал:

– Юноша решил полюбопытствовать, захотел узнать истину не из книг. Смешно. С такими женщинами все откровения идут к голой правде. Пора бы усвоить основной закон. Гадостно как... Подсунула какую-то наркоту, пусть особую, но все-таки. И приобщила. Сразу и к ней, и к себе самой, – каждый раз от этих мыслей, пот мельчайшими уколами выступал по телу. – Причём здесь мистика, суфизм? Ладно, теперь всё равно. Она сумасшедшая, маньячка. А, может, я тоже свихнутый? Опять попал туда же. Но я же не этого хотел. Или, наоборот, хотел? Что-то в моей глубине хотело, какое-то иное существо? Раньше со мной такого не было... Я стал другим, собой не владею. Себя уже боюсь. Откуда во мне эти видения? Вовсе не сон – будто прожил кусок чужой восхитительной жизни. Теперь она меня с ума сведёт, я её рабом стану. И не в наркоте дело, она ещё что-то умеет, овладела моим воображением, чувствами – сходу. Её нельзя больше видеть, ни за что! Да ещё этот Нил, интеллектual чёртov. Наверняка всё знает, догадался, по крайней мере, что я был не в себе. И хоть бы что. Живёт параллельно, а она по полной отрывается. Как же я влип с этими олдами! Даже Ноту не расскажешь. Стихи их выкину, не читая. Дьяволыщина какая-то... И к Лилиан тянет до жути, как в пропасть.

Сва испугался собственных мыслей и очнулся. Поезд стоял на конечной станции.

Погружение

Серочёрное небо, полное неживой воды, который день висело над городом. В квартире и комнате мертвела тишина, пугала. Её нужно было изгнать, заговорить – да не с кем, нечем. Кассеты Нота горкой высились на полу рядом

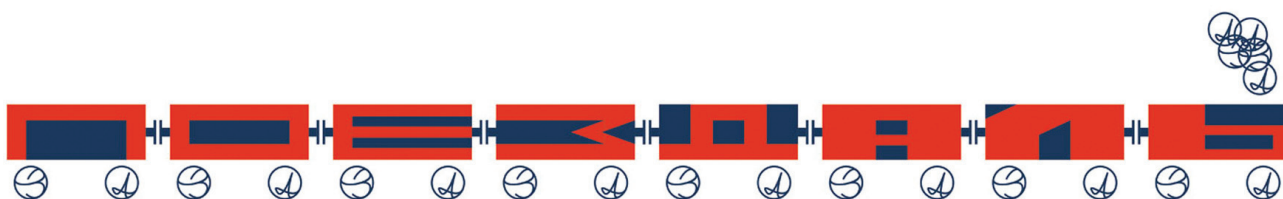
со старым магнитофоном. Музыка страшила ещё больше. Ударники пробивали череп, в извилины въедался синтезатор, наполнял их дрожащим рёвом, скрежетом и гулом, кислотные звуки струнами стягивали мозг, и он не выдерживал, расплзался на куски. Всё двоилось, распадалось, множилось. Жизнь расслаивалась на извилистые ленты, разматывалась, сматывалась, перематывалась, изматывалась. Нитями тянулись, нулились в нуль мысли. Вслед за ними вытягивалось и спутывалось в клубок время – час, полдень, полночь, полчаса, сутки...

– Нужно что-то с собой сделать. Пить хочется. Вообще хоть что-нибудь сделать. Самое глупое. Буду готовиться к сессии. Чушь какая... Лучше куплю хлеба и съем кусок. Нет, тоже маразм. Тошнит с самого утра – водяра поганая! А надо бы что-то проглотить, от голода шатает. Пойду в ближайшую столовую и через силу буду есть, пока деньги есть. Есть деньги – бред. А что ещё? Я есть, он ест, они едят. Они едят то, что есть. Они есть то, что едят. А что есть я? Сейчас лягу спать в метро и во сне пойму. Буду спать сидя. Нет, стоя. Я уже сплю и иду во сне. Зачем, куда? К Лави, я же крезанул. Попрошусь к ней в палату. Дворцовая палата, там и заживём, посреди дурдома. Кайф будет! «Крэизи Даймэнд». Халаты нас обвенчают по-своему. Попы все в чёрном, а они в белом. Колёс надают на счастье. Дурдом, но всё по-человечески, без ломки. А здесь дуржизнь отстойная. Мы всего лишь надувные птицы, сейчас череп треснет, и конец. Это Ты нас такими создал, Создатель? А зачем? Лучше бы всё в мире осталось пусто. Рай пустоты и чистоты. Нет боли, зла, грязи людской, па-скудной. Даа, не жизнь, а грязнь создал. Чтобы не жить, а грязнуть, погрязать, грызть друг друга, грузнеть, грустнеть и ждать, когда всё кончится. Признаёшь ошибку? Мы же, правда, по ошибке в этом мире родились. Невинными, чистыми младенцами. Жили от любви к любви – детство, отрочество, юность. Далее нигде. Или мы остановкой ошиблись, не там вышли из чрева матери – за счастьем? Лави теперь у себя на Яузе поезда ждёт, бродит по станции безумного метро, чтобы отъехать в иной мир. А меня туда не пускают. Нужен особый билет – крезовый, шизовый, глючный. Не всем положено. Смешно. Я и без билета обойдусь – зайцем, мышью, мухой проеду. Прыгну на ближайший крезовоз. Или под него. И всё.

Сва остановился посреди улицы и пьяно пошатнулся. В руке был старый портфель. Несколько часов он проспал за столом в университетской библиотеке. Болела голова. Как он туда попал? С утра выпил водки, но даже не почувствовал – словно рвотная хлорная вода из-под крана. А что было потом? Долгодолго сидел среди людей, прочёл несколько книг, но ничего не запомнил. На пустых страницах не было ни буквы. Решил заказать что-нибудь по суфизму, из дореволюционных научных изданий и на всё получил отказ.

– Студентам не полагается.

Ладно. А может, Лилиан всё придумала про экстаз? У неё что-то ведьмовское в лице и блеск в глазах то ли наркотический, то ли гипнотический. Даже не поймёшь, красивая или уродка. Худущая. Но умная. И от этого ещё хуже.

Наталья Лясковская

Программные стихи

«И руки особенно тонки, колени обняв...» Н. Гумилев

«Эту избу на крыльце с собакой словно я вижу в последний раз» С. Есенин и т.п.

Ирине Васильковой

Поэт один в своих стихах хозяин!
Он миру целому – вершитель и творец.
Читатель ждет, волнуясь, рот раззявил?
«Морозы-розы» – скушай, братец, наконец!

Познав природу пушкинской свободы,
Поэт живет бесстрашно, ветру встреч,
и говорит с царем или с народом –
земным законам неподсудна его речь.

В тех небесах, что лишь души очами
видны, он эдак и вот так парит,
сам создан из стихии слов, ночами
что хочет с ними – и стихи из них – творит!

За шумом звука, за пустой вертелкой знака
вдруг свет иной Вселенной заблестит:
комета Блок бьет в бок систему Пастернака,
звезда Есенина падучая летит,

вот Пушкин – нестерпимый всплеск
Сверхновой,
вот Маяковский – черная дыра.
кольцо Кольцова вокруг Звезды Рубцова,
астральной пыли многогласая игра...

Протуберанец Лермонтова грозный
планету Фета в сферу атмы бьет,
в сиянье Северянина морозном
брюсинки водят солугубов хоровод.

В астральной зодии болиды Бальмонт
с Белым

как братья-близнецы летят, поя,
метеоритный дождь – Марина, Белла,
Людмила, Мирра, Рита, Алла, Зульфия...

Плывут гиганты Бунин и Набоков –
мерцают синим пламенем бока,
шар Гумилев глядит голубооко,
учеников небесная река.

Там Мандельштам, туманностью увитый,
и Заболоцкий, в ужасе игры,
несется бешено как бочка с динамитом,
и молча ухает в Ахматовы миры...

Поэт творит, обняв трехтомник Даля,
словарь Ожегова и Лунина «Новаяз»,
то весь в медалях, то в пивной скандала,
то подыхая, то пускаясь в пляс!

Но рот откроет – загляни, будь буддой!
Там сразу вся Вселенная видна.
Пусть зев забит и искажен простудой –
О Зевс, как дивно восхитительна она!

Вон он один выходит на дорогу.
Редактор, сгинь, подальше от греха!
Ложись, читатель, спать, побойся Бога.
Так вечен Млечный Путь.
Так ночь тиха...

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр

Братск

Живу у парка культуры,
Где трамвай всегда делает
Конечную остановку.

По сто раз на день кондуктор
Объявляет громогласно в вагоне:
«Парк культуры.
Конечная остановка»

Вот уже сорок лет – здесь я схожу
И не торопясь иду домой
Мимо высоких деревьев парка.

Иногда я надолго уезжаю в отпуск
Или длительную командировку,
Но всегда с великой радостью
возвращаюсь
На свою конечную остановку
У парка культуры.

Дочка на лавочке
забыла варезки –
Дети торопят весну!

Текст – Владимир Монахов.

Коллаж – Евгений Рыбаченко (Братск).

Андрей Дмитриев

Бор

Каждый и каждая

Каждая дверь – граница –
Рубеж между «там» и «здесь».
Каждый трамвай – колесница.
Если получен ферзь
В клетке путём маневра
Пешки – каждый маневр,
Подобный, в игре – карьера
С рычащей буквой «Р».
Каждое слово – пуля –
Манипуляций с курком
Не прощает, сводящим скулы,
Если не в «молоко» –
Хотя, вероятно, промах
(Не только по мнению жюри)

Не стоит такого грома,
Как гниль золотой кожуры.
Каждая рюмка – море,
Слагающее океан,
Без которого суша вскоре
Нашла бы наверняка
Иной вариант потопа
В движении против рожна
Не пересохнуть чтобы...
Пardon – говорят наша.
Каждая крыша – небо,
Запёкшееся в потолок
В Твери и в Аддис-Абебе –
Там, где был вырван клоч.

Каждый философ – разведчик
В собственном же тылу.
Каждый чёт – это нечет
Когда подошёл к столу,
Сжимая последнюю фишку –
Конвульсия пальцев – куда???
Каждая жизнь – это вспышка
На замкнутых проводах.
Полночь – скребу бумагу,
Строк от себя не тая –
В них кто-то в роли бродяги –
И каждый раз – это я.

Станислав Заречанский
Новосибирск

Ощущение марта

Ощущение марта...Разброд под ногами.
В каждой солнечной лужице грязь.
Ощущение марта приходит за нами
И мы чувствуем теплую связь.

Мы волнуемся, делаем глупости, вечер
Ненавязчиво строг как вчера.
День разлит как вино и вино это лечит,
А проталинка – как кожура!

Ветер будто бы шепот горячий и свежий,
Нам теперь тишину не спасти.
Посмотрите! Вокруг остановлена нежность!
Остановлена прямо в пути.

А столь частые капли – прозрачные капли
С крыш, где тоже застыла волна.
Это самые тонкие звонкие сабли,
Это будто под крышей – струна!

Ощущение марта, волнуяще кстати,
После долгой кошмарной зимы.
Ощущение марта приходит не в марте –
По-весеннему чувствуем мы.

Александр Смирнов
кандидат физико-математических наук
Ярославль

Мартовский трамвай

Трамвай с хвостом кошачьим,
Плутая меж сугробов,
Под снежной завесой
Искал дорогу в март.

Путь долог был и труден,
И лёд колёса ранил,
Но, несмотря на это,
Весна в мечтах цвела.

Пусть дремлют пассажиры,
Водитель спит суровый,
Пусть в проводах нет тока,
И рельсы замело,

Трамвай февраль отринет
С победным кличем звонким,
И март, котов раздолье,
Подснежником взойдёт.

01.03.2013

Фото-графика **Станислава Заречанского.**

Дмитрий Сопыряев

Ульяновск

Н₂O

Капля капает
Попадая, падает внутри
В н-утро Н₂O
Утренней росой
Скользя сползает в р-ты
Ты – сны
Нарисованные каплями
ве-сны
Усни и проснись
Во сне
Проснись и усни
В себе
Просто ты –
Это капля воды

Лёгкие

Вдох-выдох
Надули воздушный шарик.
Мягкий на ощупь
Но твёрдый внутри
Мир
Непостижим
Человек «Видящий» –
Прозрачный зрачок
Обречён вечно быть
Сном.
Лёг-
Ки-
М.
Энергия сна ми-
Р ай!

Аум

я сделан из бумаги
я мыслю из бум бум
меня сожрали маги
и я аум аум

Екатерина Поляничко

Бийск

Я что-то слышу

Я что-то слышу: издалека, из зарослей сухой полыни, из тусклых солнц отзеленевшей пижмы, из туч, принесших дождь в соседний регион: я что-то слышу.

Какое нехорошее предчувствие: собаки поднимают морды вверх. У них, наверное, сейчас проснется голос. Еще здесь птицы. Птицы любят окна. Они как мухи думают, что рамы – не застеклены. Здесь будет вой и будут перья.

Тысячелистник? Может быть, цикута? Под зонтичным растением не скрыться от надвигающихся града и грозы.

По балконам

Стекло-чистый мой, наивный до цинизма, тебя я выпускаю погулять

По балконам, по карнизам, по решеткам, парапетам, водосточным ржавым трубам, недоруженным печным, по асфальтам и по галькам, по осколкам и по кронам, при луне бесцветно-серым, по хвостам бродячих кошек, по мостам через дороги...

Ты мне махнул рукой, боюсь, что утром не вернешься, вовлеченный

В спирали лестниц за закрытыми дверями; в огни изменчивые в городской оправе; в колонны парка, выпивающие почву; в скульптуры, оживающие по ночам, и в шелест сумрачных автомобилей, и в запах табака с вишневой жвачкой, идущий от Марий и Магдалин.

Бросаться за тобой бессмысленно, мой чудный, бесполезно хватать зубами воздух

Не призову тебя растаять, рассеяться, распасться на нити, паутинки, шерсть и конденсат; не призову тебя вернуться, не обяжу к приличиям ошейником и поводком; и не унижусь бесполезным криком, поскольку часть моя ты, и из меня уходишь по балконам.

Николай Ерёмин

ДООС – никозавр
Красноярск

Дорогая,
Сыграем в пинг-понг!
Хочешь,
Я буду Пинг, а ты – Понг...
Хочешь,
Я буду Понг, а ты – Пинг...

Хочешь,
Я буду Конг, а ты – Кинг...
Хочешь,
Я буду Кинг, а ты – Конг...

Слышишь – гонг?
Он зовет нас в Гон Конг...

Неужели?

– Неужели стихи не нужны
Никому, кроме вашей жены?

– И жене не нужны. Никому!
Только Богу и мне одному.

Валентин Нервин

Воронеж

АФОРИСТИШИЯ

Я видел надпись на стене:
– ПОэты нынче не в цене!

Я думаю, они в цене,
да только цены не ПО мне.

Орнитологическое

Птицы о литературе
рассуждают свысока.
Постыдились бы, в натуре:
я не памятник –
ПОка.

Издревле сладостен союз
народных масс и праздных Муз.
Но даже сладостные узы
обременительны для Музы.

Не все доживают до благостной старости:
ПО мере судьбы нелегко уцелеть.
В России любовь измеряется жалостью –
нам было и будет кого ПОжалеть.

Дефиниция

Я знаю: трезвость – норма жизни.
Но только не в моей Отчизне.

Похмельно-патриотическое

Налей-ка, Роза, мне рассолу –
не пить же утром кока-колу!..

От сомнений, прений, трений
хочется осатанеть.
В жизни много всякой хрени –
выпьем, чтобы не хренеть!

Игорь Ревякин специально для ПО.

Алексей Курганов

Коломна

Про отважного Ермошку и его заветную мечту

(исполняется торжественно, стоя,
в сопровождении боевой дудки
и военного барабана)

Взяли в армию Ермошку,
Хоть психический слегка:
Восемь раз лежал в дурдоме,
А теперь призват в войска.
Пишет маме: дорогая!
У меня претензий нет!
Я служу на главном пункте
Стратегических ракет.

Вот он, пульт, а вот – кнопки.
Я на них от скуки жму,
И ракеты улетают
По секретному маршру.
Мне сердитый наш полковник
Говорит, что я – дебил.
Чтоб не трогал енти кнопки,
К ним вообще не подходил.
Он хороший, только нервный.
Пусть он ляжет в наш дурдом.
Поколотся, подлечиться,
Не расстраиваясь в том.

Александр Гумённый

друг ДООСа

Новокузнецк

Гриппозный оптимизм

болезнь фатально и небрежно
встречает оголтелых нас
и развенчает неизбежно
в последний и урочный час

но энтропия благосклонна
для каждого в толпе Нуля
и струйками интерферона
возвысится душа моля...

Игорь Ревякин специально для ПО.

Мне ж мечта моя, мамаша
Не даёт спокойно жить.
Оч. хочу я в академий
Офицерский поступить.
Там надеть портки с лампасом,
И папаху из баран,
Стану важным генералом
(Я ж в дурдоме генерал!)

Чтоб жила страна родная
Не испытывая бед,
Мне на всех врагов не жалко
Стратегических ракет!

Мороз фаталист

я приспешницу температуру
инеем по стеклу
сорок градусов натуры
конденсатом как есть стеку

и в химической пертурбации
в искрящемся полусне
потоками сублимации
разгонюсь к весне

Фадей Осинников

А рекорд рокера

(монопалиндром)

Откат! Я лет сорок возил лимоны до Луги девам. У! Муза радовала дев. Но вот – стар. А как цаца? Нуль дев. Оне ж о родине-то – никто! Води вот снова: март, сок. А – рудой аргентинец? Ушел мирдох? Ан, белому савану срам, тире – ветрам. В мире же ныне лес. Волки – цыц! И т.п. Тише! Пс! Откат. Рам, не дров тени. А грома гул, и разномастен комок тучи. От того гроза. Радость народу – чижики сели на поля, и соколог сел. Они летели. Нет. Чу! То пел хор, ошалев. А на селе лук и трава-рута. На! К шутам схиму! Заря мира. Зарево костра. Миг обнов. У народа закал: бодро на заре весною. Мир тает. Се ла ви – натура. И лето. Хе! Насели рати, наступил Овен. Я и ты были сторожа. Март. Се крохи (о, видите) по утрам пили и – летати, бо вода силы дарила телу. Обе на небо улетали. Рады ли, садов обитатели и лип, марту опеть диво? Их оркестра мажор – от силы бытия. Неволит пут санитарии леса не хотели, а рута, нива, лес – театр им. Юон: север, а за норд – облака. Задор: а ну, вон, боги! Март. Сок. О, вера зари! Мя разуми, ХС! Матушка натура в артикуле леса навела шорох. Лепо! Туч тени летели, но лес (колок) осияло. Пан и лес и Кижы – чудо. Рань. Тс! О, да! Разор, гогот-то, и чутко мокнет сам он – зари луг. А морга и нет. В орден марта кто спешит? Птицы циклов Селены, неже Рим в марте верит Марсу. На вас – у молебна ход (Рим Лешу ценит, негра). Йод. Ура кострам! А вон – сто видов от кино. Тени дороже. Но ведь луна – цацка карат сто. Вон – ведала вода разум ума Вед и гул оды, но мил ли зов коростеля? Так-то! ↩

P.S. Вот мой личный рекорд в этом суетном, но довольно увлекательном занятии. Количество знаков без пробелов 1206. С пробелами – 1508. Можно было бы продолжать дальше, но цифра 1000 достигнута, а тянуться до следующего рубежа 10000 слишком хлопотно.

Александр
Федулов

Специально
для ПО

Ольга Реймова

Твой трамвай ушёл

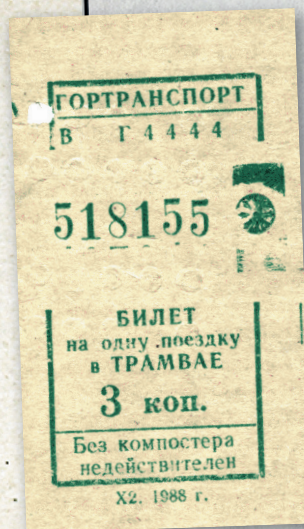
Трамвай – это такой перевозчик пассажиров, что и звенит, и дёргается, и дребезжит. Почему-то это особенно слышно весной, в самом начале. Ведь месяц март наступил, и звон трамвайного кольца, как весенний звонок.

На работу приходится ездить на трамвае, а ждёшь его долго. Стоишь на остановке и себя изводишь мыслями «да что это такое, что за жизнь, одни неудобства!» И так каждый божий день.

У всех всё складывается в жизни, как положено, как по жизненным законам нужно, а Зоя никогда не понимала и не знала, как нужно. Зоя просто жила и всё, делала и поступала так, как хотела в данный момент, как считала правильным. Никогда не жила с оглядкой: а что скажут люди, как осудят, как подумают. Город, где жила Зоя, небольшой. Почти все всё про всех знают. Меняешь место работы и готовишь себя морально: «Буду другая, никому ничего не рассказывать о своей жизни! Ни за что! Стараться больше помалкивать. Зачем чужим моя жизнь?» И вот... пришла на новое место, а там... три твоих однокурсницы, уже всем про тебя всё рассказали. Теперь уж молчи, не молчи. Досадно, но невозможно скрыться от знакомых, если ты всю жизнь прожила в одном городе.

Жизнь бежала, и она с ней рядом, но как-то в сторонке и не очень задумываясь. Просто времени не хватало, чтобы задуматься. Надо было всё успеть: работу выполнить хорошо и ко времени, дома всё приготовить: перестирать, перегладить, ребёнку уделить побольше внимания, а ещё командировки, где работы было по горло. Конечно, хотелось и в театр, и на концерт, иногда случалось посетить, порадовать душу. Когда дочке исполнилось три года, то с этих пор вместе с ней везде: и в театр, и на концерт, и в гости, а когда подросла, то и в командировки вместе, если совпадали с каникулами в школе. Когда её спрашивали «Ну, как жизнь?» Она отвечала: «Да никакой, разве ж это жизнь!» У кого какая жизнь, но лёгкой нет, трудности у каждого свои, и они кажутся важнее, чем у других.

Зоя считала, что у неё сложнее всех, у неё не как у других, у неё по-особенному. И она пыталась найти ключ к решению своих проблем. С Лёликом они никак не могли придти к общему решению устройства своей жизни. Они думали не о том. Им надо было думать о семье, чтобы быть всегда вместе, а они слушали своих родителей, и

*Март – трам, трам – трам,
звон марта тут и там,
к нам Март спешит –
звонит трамвай,
вай-вай, вай-вай, вай-вай!
и март шумит капелью,
раскрасил улицы, дома
серой акварелью.
А солнце, как сошло с ума,
так ярко светит,
затмило светом всем глаза
и я очки надела.
Март-трам- трам-там!*

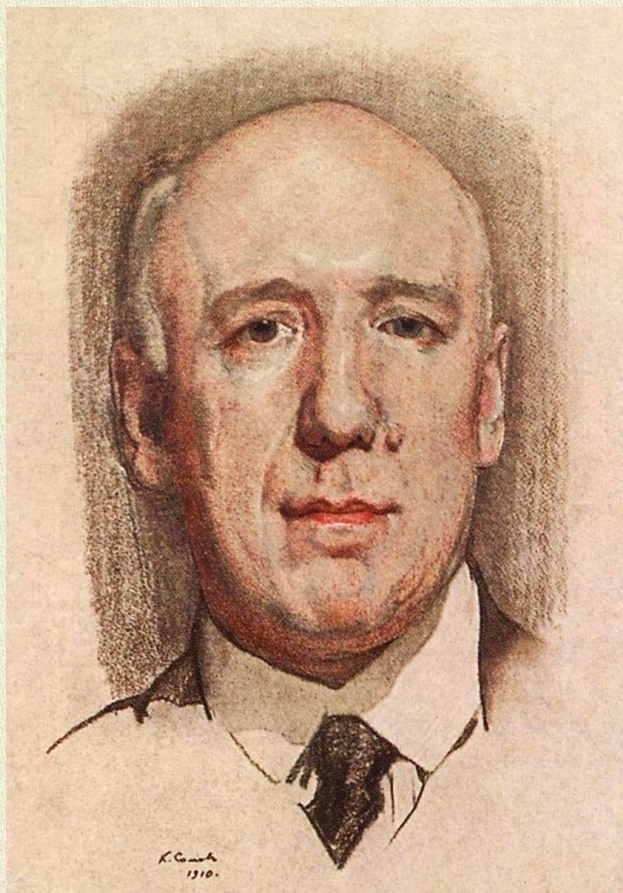
поэтому общего решения у них не было. Вообще-то его звали Алексей, а дома его с детства звали Лёлик, и Зоя тоже звала его Лёлик. Ей понравилось смешное имя. И поначалу она с любовью его произносила вслед за его мамой, а потом стала чувствовать раздражение. Ну что это за имя для взрослого мужчины! А он ничего не замечал, он привык, так называют его две любимые женщины, и всё прекрасно. Живут они в разных городах. Она с ребёнком со своими родителями, а он – со своими. Какое имя, такие и поступки. Лёлик – он и есть Лёлик. Приехал Лёлик в очередной раз, и опять разговоры на тему, как жить дальше. Зоя убеждает его, что он не должен никого слушать, а жить с семьёй. А он ей: «Если не переедешь сейчас, тогда давай разводиться». Они стояли на трамвайной остановке. Ждали свой трамвай, а его нет и нет. Подъехал другой, который идёт в обход. Он ей предлагает: «Давай поедем через проспект, чем стоять так долго и ждать!» А она: «Нет, дождёмся!» Лёлик уже замолчал, а Зоя: «Ну, хорошо, поехали!» И только сказала, а трамвай закрыл двери и тронулся с места. Лёлик засмеялся и сказал с сарказмом: «Вооот! трамвай твой ушёл, так и в жизни, не успеешь вскочить на ходу, и твой поезд уйдёт!» Ему было смешно, а Зое обидно, но призадумалась она тут. Лёлик смеётся над ней, так, наверное, и однокурсницы смеются, и одноклассницы. Надо было уехать в другой город, где тебя никто не знает. Лёлик звал, ждал, но упрямство победило, и осталась она в родном городе без мужа и у всех на виду.

Снег на обочине почти сошёл, стал серый и некрасивый. А Март радуется и продолжает шалить капелью и ждёт апрель.

Жизнь, как река, имеет своё начало и свой конец, а после конца начинается продолжение. И если твой трамвай ушёл, его не остановить и не догнать, попробуй сесть в другой.

1 марта 2013 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Федора Сологуба.

Константин Сомов.
Портрет Федора Сологуба. 1910.

С 1885 по 1889 гг. Фёдор Сологуб служил учителем математики в 1-ом городском училище г. Великие Луки. За это время он написал несколько сотен стихотворений, поэму «Ксения», продолжал работу над первым романом «Тяжёлые сны», задумал роман «Мелкий бес».

В 2003 в Великих Луках был издан видеопозитический календарь, посвящённый 140-летию Фёдора Сологуба. На каждой странице с месяцем подбиралось стихотворение Сологуба, написанное в этом городе именно в этот месяц, а в правом нижнем углу ставились афоризмы поэта.

В этом году 1 марта в Великих Луках прошёл фестиваль поэзии «Звезда Маир», посвящённый 150-летию со дня рождения поэта Фёдора Сологуба. Фестиваль завершился флеш-мобом великолукских поэтов и писателей. Они поднялись на сцену и проскандировали: «Русской поэзии, Федору Сологубу – Ура! Ура! Ура-а-а-а!»

Когда царицы скромно косы
Плели, как жёны пастухов,
И почасту ходили босы
По стогнам тихих городов,

Ремнями тесными сандалий
Не жали голые стопы,
И не затягивали талий
На удивление толпы,

В те дни цветущая Эллада
Рожала то, чем живы мы,
В чем наша верная отрада
От вековой нашей тьмы.

Воскреснет в сердце человека
Давно погибшая мечта,
И дети будущего века
Поймут, что значит красота.

25 марта 1887

март/march

3	4	5	6	7	1	2
10	11	12	13	14	8	9
17	18	19	20	21	15	16
24	25	26	27	28	22	23
31					29	30
пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс

1 марта 2003 г. —
140 лет со дня рождения
Ф. Сологуба

Полунагота соблазнительнее
наготы. Здесь отношение
такое же, как между
полузнанием и знанием.

Федор Сологуб

Баллада о высоком доме

Дух строителя немеет,
Обессиленный в подвале.
Выше ветер чище веет,
Выше лучше видны дали,
Выше ближе к небесам.
Воплощение верной чести,
Возводи строенье выше
На высоком, гордом месте,
От фундамента до крыши
Все открытое ветрам.
Пыль подвалов любят мыши,
Высота нужна орлам.

Лист, ногою смятый, тлеет
На песке, томясь в печали.
Крот на свет взглянуть
не смеет,

Звезды не ему мерцали.
Ты всходи по ступеням,
Слушай радостные вести,
Притаившись в каждой
нише,
И к ликующей невесте
Приникай все ближе,
тише,
Равнодушный к голосам
Петуха, коня и мыши.
Высота нужна орлам.

Сердце к солнцу тяготеет,
Шумы жизни замолчали
Там, где небо пламенеет,
Туч расторгнувши вуали.
Посмотри в долину, — там

Флюгер маленький из жести,
К стенкам клеятся афиши,
Злость припуталась к лести,
Люди серые, как мыши,
Что-то тащат по дворам...
Восходи же выше, выше,
Высота нужна орлам.

Послание

Поднимай, строитель,
крыши
Выше, выше к облакам.
Пусть снуют во мраке мыши,
Высота нужна орлам.

Владимир Павлов

Великие Луки

Я — бес себя.
Я игру тел — литургия.
Я — иной, о, Бог гобой, Он и Я.
Сологубу голос!
Сологолос...

А кит символ, лов мистика.
Цена триолета тел, о, Ир танец.
Могол строки — корт слогом.
Не нар голубь, булл огранён.

Вой, лунища, чащи нуль, Иов
Мок и собаки лик. А босиком?
Ель. Ау! Тиран на ритуале.
Мы дьяволы, ловя дым.

Чела кич ели? Лечи, калечь.
Ахал палач — ала плаха.
Не народ, о, ранен.
Королев вёл, о, рок.

Сологолос...
Сологубу голос!
Я — иной, о, Бог гобой, Он и Я.
Я игру тел — литургия.
Я — бес себя.

О-го! О-го! О-го!
О-го-го-oooooooooooo.....

Птица Сологуб

Первому палиндроману
Серебряного века
Фёдору Сологубу
посвящается

Рисунок **Владимира Павлова**.
Птица состоит только из букв
слова «Сологуб».

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр

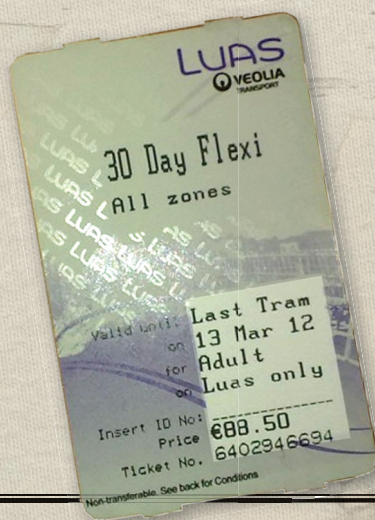
Дублин, Ирландия

Пейзаж с идеей

Фигуры, олицетворяющие прогресс,
над подъездом московского дома каменного.
Их две. Не мужчина и женщина,
а бесполое изваяния с воздетыми руками.
По белоснежным одеяниям ползут змеи трещин.
Взоры зовут в тополиную высь – быстрее, резче!

Истые воплощения Идеи –
ведь принципы, полнящие череп полый,
всегда бесполо.

Тем временем красный трамвай
лихо дребезжит с горки
в трамвайный свой рай,
голубь садится на макушку Идеи
и пятнает ее
физиологией в действии.

Татьяна Бонч-Осмоловская

кандидат филологических наук

Сидней, Австралия

Понарошку

уедем кататься! железные звуки
билет три копейки, звенят голоса,
призывно расстелены рельсы по кругу,
поедем! дороги всего полчаса.
мы выйдем из дома, сжимая в ладошках
пятак и копейку, копейку, пятак,
трамвай увезёт нас в страну Понарошку,
маршрут завершая в знакомых местах.
сосед бородатый читает газету,
смеётся как кот и даёт закурить,
я ехала с мамой, ему по секрету
ты признаёшься, запутана нить.

мой город, мой дом на углу, пальма в кадке,
короткая юбка на маме, трамвай...
я просто играла в страну Понарошку,
скажите, куда это я забралась?
ведь это неправда, где мама, где пальма,
где рідная вулиця, где мой трамвай?
light-tram колесит как часы в Зазеркалье,
быть может, по кругу? я сяду опять...
поеду, поеду, раз девочка просит,
хоть сердце торопится за турникет.
вздремну на минутку, пусть мама разбудит,
как только покажется дом вдалеке.

Виктор Клыков

ДООС – австрозавр

Вена, Австрия

В небе мчится колесница белых, серых облаков
Поезд медленно в Пассау набирает быстрый ход
Над Дунаем узким, быстрым, над макушками полей
Он стремится, он несётся всё быстрее, быстрее,
быстрее.

Вроде где-то, что-то плохо: террористы и война.
Вновь упало производство, не дают процентов?
– Да!

Ну а здесь в блаженстве вечном,
поднебесном, голубом
Расцветает луг беспечный,
мир встречается с весной!

есть печаль прекрасная в горах
пасмурной вечернюю порою
на границах снега и земли
неба и сиреневой горы
на исходе длительной зимы
чутьочку дохнувшей весной.

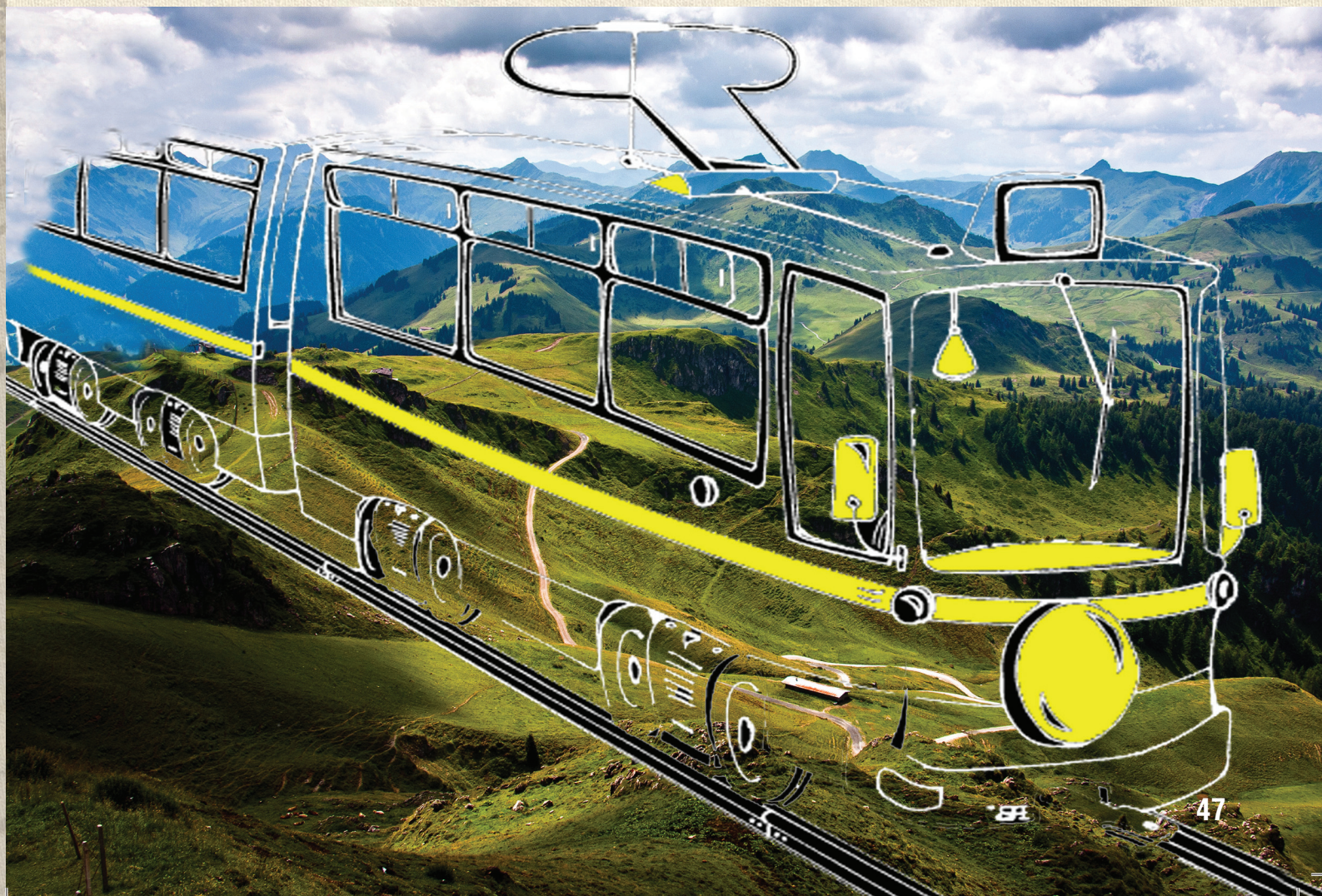
Елена Сазина

Галле, Германия

Весна

дождь стекает слезами
по чужому лицу
улики улиц
прибивает пыльные волосы
подчеркивая формы
ноги несут меня несут
– кого судят?
ветер мембранит
перепонками листьев
истины стен
– разве не тени?
гуттаперчевая сырость
трется влажностью
о пальцы дремлющих рук
укоры рока
рокоcut – рококо рококо.
мое лицо отражается
от чужих спин от спин чужих
ноги уносят уносят
осиная осень
в начале весны.

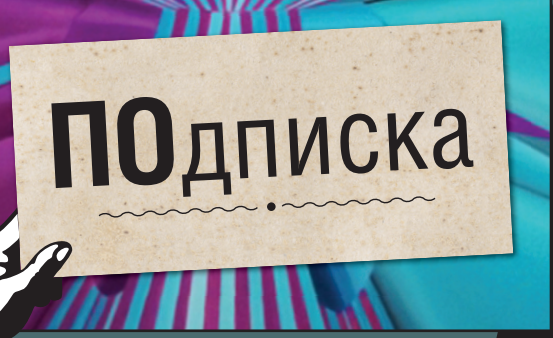
Коллаж **Елены Кацубы** специально для ПО.

Авторитетная Российская библиотечная ассоциация рекомендует библиотекам, какими периодическими изданиями комплектовать свои фонды. А также отмечает качественные СМИ знаком отличия «Золотой фонд прессы». В их числе «Журнал ПОэтов».

Внимание!

Оформить подписку на журнал ПОэтов можно:

- во всех почтовых отделениях;
- в подписных агентствах и их региональных представительствах

Стоимость подписки на 1 месяц:

105 руб. 60 коп.

ПОдписной индекс: 81745

«Журнал ПОэтов»

Учредители

ООО «Эхо планеты»,
Константин Кедров, Елена Кацюба
Идея журнала и творческая концепция
группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства»

Главный редактор

доктор философских наук
Константин Кедров

Директор издательского проекта

кандидат исторических наук
Эльмар Гусейнов

Редакционный совет

Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В.Ахломов; С.Бирюков — доктор культурологии (Германия);
А.Бубнов — доктор филол.наук; профессор В. Вестстейн (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий — доктор геолого-минералогических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); В.Нарбикова;
В.Рабинович — профессор Института культурологии

Арт-директор — Игорь Маркин

Макет номера — Елена Кацюба

На 1 стр. обложки — композиция по рисункам

Константина Кедрова.

Перепечатка материалов только

с разрешения редакции.

Тираж 2000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать 20.03.2013

Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции

125009, Москва, Тверской бульвар, д.12 стр.1

Телефоны:

(499) 791 0398 — для справок

(499) 791 0403 — распространение

(499) 791 0409 — факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru

e-mail ekho@ekhoplanet.ru

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на

журнал

81745
(индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания) | количество комплектов

на 2013 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(Фамилия, инициалы)

Дооставочная карточка

ПВ место литер

на журнал

81745
(индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания)

СТОИМОСТЬ	подписки	перепечатки	руб.	коп.	количество
			руб.	коп.	комплектов

на 2013 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(Фамилия, инициалы)

Пятый Всемирный день поэзии ЮНЕСКО в московской художественной галерее «А 3» 21 марта 2004 г. Поэтическая катавасия в финале вечера (слева направо): Александр Чернов (Киев), Ольга Ильницкая, Фатима Цаголова, Анна Альчук, Лоренс Блинов (Казань), Константин Кедров, Елена Кацюба, Герман Виноградов, Татьяна Щербина, Галина Карташова (Брянск). Фото Александра Тягны-Рядно.

БИБЛИО-ГЛОБУС

55 лет

Ваш Главный Книжный

БИБЛИО-ГЛОБУС

Более 200 тыс. наименований книг

Электронные книги и ридеры

Антиквариат и предметы
коллекционирования

Фильмы, музыка, игры, софт

Канцелярские и офисные товары

VIP - обслуживание

Услуги по формированию
библиотек и коллекций

Доставка книг из-за рубежа

Читательские клубы по интересам

Подарочные карты

Интернет-магазин www.bgshop.ru

Услуги туроператора
«Библио-Глобус» www.bgoperator.ru

Билеты в театры, на концерты

Детский клуб «Библиоша»